

ПЕРВИНКА ДРУГАЯ.
ВНУКЪ ГРАМОТЪЙКЪ
НЕГРАМОТНОЮ БРАТІЕЮ.
СКАЗКИ, ПЪСЕНКИ, ИГРЫ.

В. П. ДАЛЕМЪ.

Изданіе третье.

Съ 8 раскрашенными картинами.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостинный дворъ, №№ 17 и 18. Кузнецкій Мостъ, д. Третьякова.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 21 ноября 1879 г.

Типографія М. О. Вольфа (Сиб., Васил. остр., 16 л. д. № 5).

ЛИСА И ЗАЯЦЪ.

Жилъ-былъ въ полѣ сѣренькій Заячикъ, да жила Лисичка сестричка; вотъ, какъ пошли заморозки, сталъ Заякъ лпнять, а какъ пришла зима студеная, со вьюгой да со снѣжными сугробами, Заякъ съ холоду и вовсе побѣлѣлъ, и надумалъ онъ себѣ избу строить: натаскалъ лубочковъ и давай городить хижину да ухичивать ее. Увидала это Лиска и говоритъ:

— Ты, косенькій, что это дѣлаешь?

— Видишь, отъ холоду угрева промышляю, избу строю.

— Вишь какой догадливый, подумала Лиса, давай-ка и я построю избу — только ужъ не

Первinka другая.

лубочный балаганъ, а палаты, хрустальный дворець!

Вотъ и принялась она ледъ таскать да избу класть. Обѣ избы поспѣли разомъ, и зажили наши звѣри своими домами. Глядитъ Лиска въ ледяное окошечко, да надъ зайчикомъ посмѣивается: „Вишь, чернолапотникъ, какую лачугу свараксалъ! Толи дѣло моя: и чиста, и свѣтла, ни дать, ни взять хрустальный дворець!“ Лискѣ зимою все было хорошо, а какъ пришла весна по зиму, да стала снѣгъ стонять, землю пригрѣвать, тутъ Лискинъ дворець и растаялъ, да водою подъ гору и сбѣжалъ! Какъ Лискѣ безъ дому быть? Вотъ подкараулила она, когда Зайка вышелъ изъ своей избы погулять, подснѣжной травки, заячей-капустки пощипать, прокралась къ зайчину избу и взлѣзла на полати. Пришелъ Зайчикъ, торкнулся въ дверь, заперта; подождалъ маленько и сталъ опять стучаться.

— Кто тамъ? закричала Лиса толстымъ голосомъ.

— Это я, хозяинъ, сѣрый Зайчикъ,пусти меня, Лисанька.

— Убирайся, не пущу,— отвѣчала Лиса.
Пообождалъ Зайка, да и говоритъ:

— Полно, Лисанька, шутить,пусти, миѣ ужъ спать хочется.

А Лиса въ отвѣтъ:

— Постой, косою, вотъ какъ я выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трясти, только ключья по вѣтру полетятъ.

Заплакалъ Зайчикъ и пошелъ куда глаза глядятъ; повстрѣчался ему сѣрый Волкъ.

— Здорово, Зайка, о чемъ плачешь, о чемъ горюешь?

— А какъ же миѣ не тужить, не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, Лисья изба растаяла, водой ушла, она мою захватила, да и не пускаетъ меня, хозяина!

— А вотъ постой, сказалъ Волкъ, мы ее выгонимъ!

— Наврядъ ли, Волченька, выгонимъ, она крѣпко засѣла!

— Я не я, коли не выгону Лису, зарычалъ Волкъ.

Вотъ Зайчикъ обрадовался и пошелъ съ Волкомъ гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикѣевна, выбирайся изъ, чужой избы, закричалъ Волкъ.

А Лиса ему изъ избы въ отвѣтъ:

— Пстой. вотъ какъ слѣзу съ печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трепать, такъ только ключья по вѣтру полетятъ!

— Ой, ой, какая сердитая! заворчалъ Волкъ, поджалъ хвостъ и убѣжалъ въ лѣсъ, а зайка остался плакать въ полѣ.

Идетъ Быкъ.

— Здорово, Зайка, о чемъ тужишь, о чемъ плачешь?

А какъ же мнѣ не тужить, какъ не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, Лисья изба растаяла, она мою захватила, да вотъ и не пускаетъ меня, хозяйина, домой!

— А вотъ постой, сказалъ Быкъ, мы ее выгонимъ.

— Пѣтъ, Быченька, наврядъ выгнать ее, крѣпко заѣла, ужъ ее Волкъ гналъ— не выгналъ, и тебѣ, Быку, не выгнать!

— Я не я, коли не выгоню, замычалъ Быкъ.

Зайчикъ обрадовался и пошелъ съ быкомъ выживать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикѣевна, ступай вонъ изъ чужой избы! промычалъ Быкъ.

А Лиса ему въ отвѣтъ:

Постой, вотъ какъ слѣзу я съ печи, да пойду тебя, Быка, трепать, такъ только блючья по вѣтру полетятъ!

— Ой, ой, какая сердитая, замычалъ Быкъ, закинулъ голову и давай уленетьвать.

Зайчикъ сѣлъ подлѣ кочки и заплакалъ.

Вотъ идетъ Мишка Медвѣдь и говоритъ:

— Здорово, косою, о чемъ тужишь, о чемъ плачешь?

— А какъ же мнѣ не тужить, какъ не горевать! была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, лисья изба растаяла, она мою захватила, да и не пускаетъ меня, хозяйна, домой!

— А вотъ постой, сказалъ Медвѣдь, мы ее выгонимъ!

— Итъ, Михайла Потанычъ, наврядъ тебѣ ее выгнать, крѣпко засѣла; Волкъ гналъ, не выгналъ, Быкъ гналъ, не выгналъ, и тебѣ не выгнать!

— Я не я, заревѣлъ Медвѣдь, коли не выживу Лису!

Вотъ Зайчикъ обрадовался и пошелъ, попрыгивая, съ Медвѣдемъ гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикѣевна, заревѣлъ Мишка, убирайся вонъ изъ чужой избы!

А Лиса ему въ отвѣтъ:

— Постой, Михайла Потанычъ, вотъ какъ слѣзу съ печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду, тебя, косолапаго трепать, такъ только клочья по вѣтру полетятъ.

— У, у, у! какая лютая, заревѣлъ медвѣдь, да и пустился впритруску бѣжать.

Какъ быть Зайцу? Сталъ онъ Лисеу упрашивать, а Лиса и ухомъ не ведеть. Вотъ заплакалъ Зайчикъ и пошелъ куда глаза глядятъ и повстрѣчалъ кочета, красного пѣтуха, съ саблей на плечѣ.

— Здорово, Зайка, каково поживаешь, о чемъ тужишь, о чемъ плачешь?

— А какъ же мнѣ не тужить, какъ не горевать, коли съ роднаго пенелища стоняютъ? Была у меня избежка лубяная, а у Лисыцы ледяная; лисья изба растаяла, она мою заняла, да и не цукаетъ меня, хозяина, домой!

— А вотъ постой, сказалъ Пѣтухъ, мы ее выгонимъ!

— Врядъ ли, Петушка, выгнать, она больно крѣпко засѣла! Ее Волкъ гналъ, не выгналъ; ее Быкъ гналъ, не выгналъ; Медвѣдь гналъ, не выгналъ; гдѣ ужъ тебѣ совладать!

— Попытаемся, сказалъ Пѣтушокъ, и пошелъ съ Зайцемъ выгонять Лису. Какъ пришли они къ избушкѣ, то пѣтухъ заплѣлъ:

Идетъ вочетъ на пятахъ,
Несетъ саблю на плечахъ,
Хочетъ Лиску срубить,
Себѣ шанку сшить:
Выходи, Лиса, пожалѣй себя!

Какъ слышала Лиса пѣтухову грозу, испугалась, да и говоритъ:

— Подожди, Пѣтушокъ, золотой гребешокъ, шелковая борода!

А Пѣтухъ кричитъ:

— Кукареку, всю изрублю!

Вотъ Лиса проситъ тоненькимъ маслянымъ
голоскомъ:

— Петинька, Пѣтушокъ, пожалѣй старья
косточки, дай шубенку накинуть!

А Пѣтухъ, стоя у двери, знай себѣ кричитъ:

Идетъ бочеть па пятахъ,
Несетъ саблю на плечахъ,
Хочетъ Лиску срубить,
Себѣ шанку сшить:

Выходи, Лиса, пожалѣй себя,
Не то всю изрублю, искалѣчу тебя!

Нечего дѣлать, некуда дѣваться Лисѣ; при-
отворила дверь, да и выскочила, а Пѣтухъ
уже стоитъ, ждетъ; какъ увидалъ Лису,
такъ и зарубилъ ее, мѣхъ взялъ себѣ на зим-
нюю шанку, а мясо воронамъ кинулъ, самъ
же поселился съ Зайчикомъ, и стали они жить
да быть, да добро копить.

✓ КАКЪ УЧАТЬ СТАРОЕ ДОБРО ПОМНИТЬ.

Повачился волкъ въ одну деревню овецъ таскать; овечку утащить, всю деревню переполошить, за нимъ подымается крикъ, гамъ, вой. День, другой пройдетъ смирно, а тамъ опять слышишь—гдѣ-нибудь бабы воютъ, овцы не досчитываются; еще пройдетъ денька три, сызнава плачь да брань на волка—барана утащилъ. Вотъ и надумались крестьяне къ помѣщику идти, просить суда и расправы на волка. Помѣщикъ затѣялъ облаву, созвалъ охотниковъ, охотники сѣли на коней и отправились на волка; собачья стая понеслась за ними. Послышавъ лай, волкъ смѣтилъ, кого ищутъ, и ну отъ бѣды прятаться, ну изъ

стороны въ сторону бросаться; выскочилъ изъ лѣсу на проселокъ, видитъ — мужикъ идетъ съ мѣшкомъ, взмолился ему волкъ:

— Мужичекъ, мужичекъ, борода съ лоботокъ, спрячь ты меня, схорони ты меня отъ охотниковъ!

— Нѣтъ, волкъ, не спрячу тебя, ты, слышно, у сосѣдей много накуралесилъ, много овецъ перетакалъ, всю деревню разорилъ!

— Спрячь меня, сказалъ волкъ, я твое добро попомню, самъ тебѣ пригожусь!

Польстился мужикъ на волчій посулъ и говоритъ: „Ну, такъ и быть, полѣзай въ мѣшокъ!“ Вотъ волкъ вскочилъ въ мѣшокъ, свернулся въ комокъ, а мужикъ затащилъ мѣшокъ веревкой, взвалилъ на плеча и пошелъ своей дорогой.

Повстрѣчался ему охотники:

— Мужичекъ, мужичекъ, не видалъ ли ты волка?

— Нѣтъ, не видалъ, сказалъ мужикъ.

Охотники проѣхали, а волкъ спрашиваетъ:

— Что, уѣхали?

— Уѣхали, отвѣчалъ мужикъ.

— И далеко уѣхали?

— Далекo, глазомъ не сягнешь!

— Пу, такъ выпускай меня изъ мѣшка.

Вотъ мужикъ развязалъ мѣшокъ, выпустилъ волка, а волкъ отъ мужика не отстаетъ, идетъ себѣ съ боку, покашляется да зубами пощелкиваетъ. Шли, шли они такъ, вотъ волкъ и говоритъ:

— Мужичекъ, мужичекъ, съѣмъ я тебя!

— Полно, Левонъ Ивановичъ, шутки шутить, такъ нехорошо тебя слушать!

— Я не шучу, сказалъ волкъ, а взаправду съѣмъ!

— Какъ же ты меня за мое добро съѣшь, вѣдь я тебя отъ охотниковъ схоронилъ?

— Старое добро не помнится! сказалъ волкъ, и хотѣлъ мужика ѣсть.

Заплакалъ мужичекъ и взмолился:

— Посто́й, волкъ, не ѣшь меня, я на кого хочешь сошлюсь, что старое добро помнится; вонъ идетъ лошадь, спросимъ ее: коли она скажетъ по-моему, что старое добро помнится, такъ ты не тронь меня, а коли разсудитъ по-твоему, ну тогда, нечего дѣлать, твоя верхъ взяла.

Ладно, сказалъ волкъ, спросимъ лошадь.

Вотъ и сталъ мужикъ лошадь спрашивать:

— Скажи, матушка лошадушка, порѣши наше дѣло, вотъ такъ и такъ, мы съ волкомъ заспорили: помнится ли старое добро, али нѣтъ?

Понуркла лошадь голову и стала сказывать:

— Жила я у мужичка семнадцать годовъ, принесла ему четырнадцать жеребятъ, одинъ одного лучше, одинъ одного спосливѣе, на работу какъ я ретивые, а какъ стала я стариться, да изъ силъ выбиваться, такъ вечеръ свелъ меня со двора, да и свалилъ въ оврагъ,

насплу сегодня выкарабкалась. Вотъ самъ суди, дѣдушка, помнится ли старое добро!

Заплакаль мужикъ и говоритъ:

— Потерни, Левонъ Иванычъ, спросимъ еще кого, можетъ быть кто лучше разсудитъ!

Волкъ согласился. Попадется имъ встрѣчу собака, мужикъ къ ней:

— Скажи, матушка Арапушка, порѣши наше дѣло, вотъ такъ и такъ, мы съ волкомъ заспорили: помнится старое добро или нѣтъ?

Потушилась, заплакала собака и стала сказывать:

— Жила я у хозяина пятнадцать лѣтъ, день-деньской я ему служила, домъ берегла ночью не смыкаячи глазъ, добро его стерегла; вотъ, какъ теперь не вмоготу пришлась мнѣ работа, да къ тому же и съ голосу спала, лаять перестала, согналъ меня хозяинъ со двора, да еще полѣномъ пригрозилъ, чтобы назадъ не ворочалась! Нѣтъ, мужичокъ, знать

волокъ правѣе: старое добро забывается! рѣшила собака.

— Что, братъ, чья взяла! спросилъ волкъ, вѣдь моя правда, вотъ я и съѣмъ тебя!

Занеж ахнулъ, заплакалъ мужикъ и сталъ отпрашиваться:

— Потерши-де, волченька. до третьей встрѣчи, а тамъ, коли по-твоему скажутъ, такъ ужъ по-твоему и быть.

— Ладно, повременю еще маленько, а послѣ ужъ больше не спорь, не помилую.

— Что съ тобой станешь дѣлать, сказалъ мужикъ, коли ты стараго добра знать не хочешь!

Вотъ и пошли опять путемъ-дорогой, а встрѣч у бѣжить лиса; мужикъ остановилъ ее, да и говорить:

— Матушка Лиса Патрикѣевна, мы къ тебѣ на третейскій судъ пришли, разсуди ты насъ, вотъ такъ и такъ мы съ волкомъ заспорили: забывается старое добро или нѣтъ?

Лиса подумала, да и говоритъ:

— Что-то я вашего дѣла въ толкъ не возьму, кто у васъ кого схоронилъ?

— Да я волка отъ охотниковъ въ мѣшокъ схоронилъ, сказалъ мужикъ, а опъ меня за спасибо съѣсть хочетъ!

— Левонъ Иванычъ, правду опъ сказываетъ? спросила лиса, сидѣлъ ты въ мѣшкѣ?

— Сидѣлъ.

Ну врешь, сѣрый, знать по-намединишнему меня обмануть хочешь! да ты въ мѣшокъ-то и до половины не влѣзешь.

Зло взяло волка вѣкъ-повѣку отъ лисы напраслину терпѣть:

— Давай, говоритъ мужику, давай сюда мѣшокъ, вотъ я ей старой лисѣ покажу, что волкъ не лиса, не все вретъ, а ину пору и правдой живетъ!

Мужичекъ нашъ растопырилъ предъ волкомъ мѣшокъ — сѣрый влѣзъ до половины и кричитъ изъ мѣшка:

— Что, лиса, льстивы слова, завистливы глаза, влѣзь я въ мѣшокъ аль нѣтъ?

— Нѣтъ, не влѣзь, говоритъ лиса, половина тебя наружу!

Вотъ волкъ влѣзь совсѣмъ, свернулся калачемъ, да и спрашиваетъ изъ мѣшка:

— Ну что, совсѣмъ ушелъ, и съ хвостомъ?

— Хвоста не видать, сказала лисанька, только чай завязать нельзя!

— Завязывай! крикнулъ волкъ мужику.

Мужикъ схватилъ веревку, крѣпко-накрѣпко затащилъ ея мѣшокъ и сталъ въ раздумьѣ, а лиса говоритъ ему:

— Мужичекъ, мужичекъ, борода съ локотокъ, борода-то выросла, да ума не вынесла! Скажи-ка ты мнѣ, что это у тебя въ рукахъ?

— Цѣпъ, отвѣчалъ мужикъ.

— А что цѣпомъ дѣлають?

— Молотять, отвѣчалъ мужикъ.

— Ну-ка, покажи намъ, какъ люди молотять, я что-то не видывала!

Тутъ мужикъ догадался и принялся по волку цѣпомъ колотить, а лиска ходитъ во-кругъ, да приговариваетъ: „Вотъ такъ, вотъ такъ учать старое добро помнить!“ Волка долго учили и наконецъ и до смерти до-учили. Мужичекъ зазвалъ догадливую лису къ себѣ, сказалъ спасибо за науку, напоилъ, накормилъ и впередъ велѣлъ къ себѣ въ гости ходить.

↓ ПРО МЫШЬ ЗУБАСТУЮ ДА ПРО ВОРОБЬЯ БОГАТАГО.

Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи студеные, про луга зеленые, про лѣса дремучіе, про хлѣбы хлѣбистые, да про ярицу яристую. Это не сказка, а присказка, сказка будетъ впереди.

Жилъ-былъ въ селѣ мужичекъ, крестьянинъ неправный, и Бога боялся, и о людяхъ печаловался: коли ето былъ въ горѣ да въ нуждѣ, всякъ къ нему за совѣтомъ шель, а коли у кого было хлѣба въ недостатѣ, шли къ его заброму, какъ къ своей. Богъ благословлялъ его поля; у кого хлѣбъ родится самъ-четверть, самъ-пять, а у него нерѣдко и

самъ-десять! Сожнетъ мужичекъ хлѣбъ, свезетъ въ овинъ, перечтетъ снопы, да каждый десятый снопъ къ сторонѣ отложить, примолвя: „Это на долю бѣдной братьи.“ Услыхавъ такія рѣчи, воробей зачиликалъ во весь ротъ: „чивъ, чивъ, чивъ! мужичекъ полонъ овинъ хлѣба навалилъ, да и на нашу братью видимо-невидимо отложилъ!“

— Шишь, не кричи во весь ротъ! проищала мышъ-пискунья, не то все услышатъ: налетитъ ваша братья крылатая стая, все по зернышку разнесетъ, весь закромъ сълюстъ, и намъ ничего не покинетъ!

Трудновато было воробью молчать, да дѣлать нечего, мышка больно строго ему пригрозила. Вотъ слетѣлъ воробей со стрехи на полъ, да подсѣвъ къ мышкѣ, сталъ тихо-хонько чирикать:

— Давай-де, мышка-порышка, совьемъ себѣ по гнѣздышку, я подъ стрехой, ты въ подпольѣ, и станемъ жить да быть, да хозяй-

ской подачкой штаться, и будетъ у насъ все вмѣстѣ, все пополамъ.

Мышка согласилась. Вотъ и зажили они вдвоемъ, живутъ годъ, живутъ другой, а на третій сталъ амбаръ ветшать; про новый хлѣбъ хозяинъ выстроилъ другой амбаръ, а въ старомъ зерна оставалось намалѣ. Мышка-норышка это дѣло смекнула, раскинула на умахъ и норѣшила, что коли ей одной забрать все зерно, то болѣе достанется, чѣмъ съ воробьемъ пополамъ. Вотъ прогрызла она въ половицѣ въ закромѣ дыру, зерно высыпалось въ подполье, а воробей и не видалъ того, какъ весь хлѣбъ ушелъ къ мышкѣ въ нору. Сталъ воробей поглядывать, гдѣ зерно? зерна не видать; онъ туда, сюда, нѣтъ нигдѣ ни зерна; сталъ воробей къ мышкѣ въ нору стучаться:

— Тукъ, тукъ, чивъ, чивъ, чивъ, дома ли, сударушка мышка?

А мышка въ отвѣтъ:

— Чего ты тутъ расчирькался? убрайся, и, безъ тебя голова болитъ!

Заглянулъ воробей въ подполье, да какъ увидалъ тамъ хлѣба ворохъ, такъ пуще прежняго зачирькалъ:

— Ахъ ты, мышъ подпольная, вишь что затѣяла; да гдѣ жъ твоя правда? Уговоръ былъ: все поравну, все пополамъ, а ты это что дѣлаешь? Взяла, да и обобрала товарища!

— И-и! — проищала мышка-норышка, — вольно тебѣ старое помнить, я такъ ничего знать не знаю и помнить не помню!

Нечего дѣлать, сталъ воробей мышкѣ кланяться, упрашивать, а она какъ выскочитъ, какъ начнетъ его щипать, только перья полетѣли!

Разсердился и воробей, взлетѣлъ на крышу и зачирькалъ такъ, что со всего округа воробьи слетѣлись, видимо-невидимо. Всю крышу обѣли и ну товарищево дѣло разбирать; все по ниточкѣ разобрали и на томъ порѣшили,

чтобы къ звѣриному царю веѣмъ міромъ съ челобитьемъ летѣть. Снялись, полетѣли, только небо занестрѣло. Вотъ прилетѣли они къ звѣриному царю, зачирикали, защебетали, такъ что у царя Льва въ ухахъ зазвенѣло, а онъ въ ту пору прилегъ было отдохнуть. Зѣвнулъ Левъ, потянулся, да и говоритъ:

Колн понусту слетѣлись, такъ убирайтесь восвоеи, спать хочу; а колн дѣло есть до меня, то говори одинъ, вѣдь нѣтъ хорошо вмѣстѣ, а говоритъ порознь!

Вотъ и выскочилъ воробышекъ, что побойчѣе другихъ, и сталъ такъ сказывать дѣло:

— Левъ государь, вотъ такъ и такъ, нашъ братъ воробей положилъ уговоръ съ твоей холопкой мышью зубастой жить въ одномъ амбарѣ, ѣсть изъ одного закрома до послѣдняго зерна; прожили они такъ безъ малаго три года, а какъ сталъ хлѣбъ къ концу подходить, мышь поднольная и слукавила, прогрызла въ закормѣ дыру и выпустила зерно

къ себѣ въ подполье; братъ воробей сталъ ее унимать, усовѣщевать, а она, злодѣйка, такъ его оццинала кругомъ, что стыдно въ люди показаться; повели, царь, мышь ту казнить, а все зерно пстцу воробью отдать; коли же ты, государь насъ съ мышью не разсудишь, такъ мы полетимъ къ своему царю съ челобитной!

— И давно бы такъ, идите къ своему Орлу! сказалъ Левъ, потянулся и опять заснулъ.

Туча-тучей поднялася стая вѣрбыная съ челобитьемъ къ Орлу на звѣринаго царя, да на его холопку мышь. Выслушалъ царь Орель, да какъ гаркнетъ орлинымъ клеткомъ:

— Позвать сюда трубача!—А грачъ трубачъ ужь тутъ какъ тутъ стоитъ предъ Орломъ тише воды, ниже травы.

— Труби, трубачъ, великій сборъ монимъ богатырямъ: беркутамъ, соколамъ, коршунамъ, ястребамъ, лебедямъ, гусямъ и всему птичьему роду, чтобы клювы точили, когти все-

трили; будетъ-де вамъ ширь на весь міръ. А тому ли звѣриному царю разлетную гра-мату неси за то-де, что ты царь потатчнѣъ, присяги не памятуешь, своихъ звѣршекъ въ страхѣ не держишь, нашихъ пернатыхъ жалобъ не разбираешь, вотъ за то-де и подымается на тебя тьма-тьмущая, сила великая; и чтобы тебѣ царю выходить со своими звѣринками на поле Арекское, къ дубу Веретецскому.

Тѣмъ временемъ, выснавшись, проснулся Левъ и, выслушавъ трубача-бирюча, зарыбалъ на все свое царство звѣриное; сбѣжались барсы, волки, медвѣди, весь крупный и мелкій звѣрь и становились они у того дуба завѣтнаго. И налетала на нихъ туча грозная, непроносящая, съ жожакомъ своимъ, съ царемъ Орломъ, и билися обѣ рати не отдыхаячи три часа и три минуты, другъ друга не одолевая; а какъ нагрянула западная сила, почная птица, пугачъ да сова, тутъ зубастый

звѣрь мышь первый на утекъ пошелъ. Доложили о томъ докладчики звѣриному царю, разсердился Левъ государь на зубастую мышь:

— Ахъ ты, мышь, мелюзга подпольная, изъ-за тебя, мелкой сошки, бился я, не жалѣючи себя, а ты же первая тыль показала!

Тутъ велѣлъ Левъ отбой бить, замиренья просить; а весь награбленный хлѣбъ присудилъ воробью отдать, а мышь подпольную, буде найдется, ему же воробью головою выдать. Мышь не нашли, сказываютъ: „сбѣжала-де со страху за тридевятъ земель, въ тридесятое царство, не въ наше государство.“ Воробышекъ разжился, и сталъ у него что ни день, то праздникъ, гостей видимо-невидимо, вся крыша вплотную засажена воробьями, и чиркаютъ они на все село былинну про мышь подпольную, про воробья богатаго, да про свою удалъ молодецкую.

✓ ЛИСА ЗНАХАРКА.

Жила-была кума-Лиса; надоѣло лисѣ на старости самой о себѣ промышлять, и вздумала она отдохнуть, за медвѣжьей головой пожить; вотъ и пришла къ Медвѣдю и стала проситься въ жилищки:

— Возьми меня, Михайла Потапычъ, я лиса старая, ученая, слыву знахаркой, можетъ и ну пору и тебѣ въ пестуны пригожусь; мѣста займу не много, не объѣмъ, не обошью, развѣ только послѣ тебя поживлюсь, косточки огложу.

Медвѣдь, долго не думавъ, согласился. Перешла Лиса на житье къ Медвѣдю и стала осматривать да обнюхивать, гдѣ что у него

лежитъ. Мишенъка жилъ съ запасомъ, самъ до-сыта наѣдался и Лисаньку хорошо кормилъ. Вотъ запримѣтила она въ сѣицахъ на полочкѣ кадочку съ медомъ, а Лиса, что Медвѣдь, любитъ сладко поѣсть; лежитъ она ночью, да и думаетъ, какъ бы ей уйтти да медку полизать; лежитъ, хвостикомъ постукиваетъ да Медвѣдя спрашиваетъ:

— Мишенъка, некакъ кто-то къ намъ стучится?

Прислушался Медвѣдь.

— И то, говоритъ, стучать.

— Это, знать, за мпой, за старой лекаркой пришли.

— Ну чтожь, сказалъ Медвѣдь, иди.

— Охъ, куманекъ, что-то не хочется вставать!

— Ну, ну, ступай, понукалъ Мишка, я и дверей за тобой не стану заперать.

Лиса захохла, слѣзла съ печи, а какъ за дверь вышла, откуда и прыть взялась! вска-

рабкалась на полку и ну починать кадочку; фла, фла, всю верхушку съѣла, до-сыта наѣлась; закрыла кадочку ветошкой, прикрыла кружкомъ, заложила камешкомъ, все прибрала, какъ у Медвѣдя было, и воротилась въ избу какъ ни въ чемъ не бывала.

Медвѣдь ее спрашиваетъ:

— Что, кума, далеко ль ходила?

— Близехонько, куманекъ, звали сосѣди, ребенокъ у нихъ захворалъ.

— Что же, полегчало?

— Полегчало.

— А какъ зовутъ ребенка?

— Верхушечкой, куманекъ.

— Не слыхалъ такого имени, сказалъ Медвѣдь.

— И-и! — куманекъ, мало ли чудныхъ именъ на свѣтѣ живетъ!

Медвѣдь заснулъ, и Лиса уснула.

Поправился Лисѣ медокъ, вотъ и на дру-

гую почку лежитъ, хвостомъ объ лавку постукиваетъ:

— Мишенька, некакъ опять кто-то въ намъ стучится?

Прислушался Медвѣдь и говоритъ:

— И то, кума, стучать!

— Это, знать, за мной, за старой лекаркой, пришли!

— Ну что же, кумушка, иди, сказалъ Медвѣдь.

— Охъ, куманекъ, что-то не хочется вставать, старья косточки ломать!

— Ну, ну, ступай, понукалъ Медвѣдь, я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слѣзла съ печи, поплелась къ дверямъ, а какъ за дверь вышла, откуда и прыть взялась! вскарабкалась на полку, добралась до меду, ѣла, ѣла, всю середку съѣла; наѣвшись до-сыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружкомъ, заложила камешкомъ, все, какъ надо, убрала и верну-

лася въ избу, а Медвѣдь ее спрашиваетъ: — Далеко-ль, кума, ходила?

— Близехонько, куманекъ, сосѣди звали, у нихъ ребенокъ захворалъ.

— Чтожь, полегчало?

— Полегчало.

— А какъ зовутъ ребенка?

— Сердочкой, куманекъ.

— Не слыхалъ такого имени, сказалъ Медвѣдь.

— И-и! куманекъ, мало-ли чудныхъ именъ на свѣтѣ живетъ, отвѣчала Лиса.

Съ тѣмъ оба и заснули.

Поправился Лисѣ медокъ; вотъ и на третью ночь лежитъ, хвостикомъ постукиваетъ да сама Медвѣдя спрашиваетъ:

— Мишенька, не какъ опять къ намъ кто-то стучится?

Послушалъ Медвѣдь и говоритъ:

— И то, кума, стучать.

— Это, зпать, за мной, за старой знахаркой, пришли.

— Что же, кума, иди, коли зовуть, сказалъ Медвѣдь.

— Охъ, куманекъ, что-то не хочется вставать, старыя косточки ломать, самъ видишь— ни одной ночки соснуть не даютъ!

— Ну, ну, вставай, понукалъ Медвѣдь, я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса заохала, закрихтѣла, слѣзла съ печи и поплелась къ дверямъ, а какъ за дверь вышла, откуда и прыть взялась! вскарабкалась на полку и принялась за кадочку; ѣла, ѣла, всё послѣдки съѣла; наѣвшись до-сыта, закрыла кадочку тряпochкой, прикрыла кружкомъ, пригнула камешкомъ и все, какъ надо быть, убрала. Вернувшись въ избу, она залѣзла на печь и свернулась калачикомъ, а Медвѣдь сталъ лису спрашивать:

— Далеко-ль, кума, ходила?

— Близехонько, куманекъ, звали сосѣди ребенка полечить.

— Что жь полегчало?

— Полегчало.

— А какъ зовутъ ребенка?

— Послѣдышкомъ, куманекъ, Послѣдышкомъ, Потаповичъ!

— Не слыхалъ такого имени, сказалъ Медвѣдь.

— И-и! куманекъ, мало-ли чудныхъ именъ на свѣтѣ живетъ!

Медвѣдь заснулъ, и Лиса уснула.

Вдолгѣ-ли, вкороткѣ-ли захотѣлось опять Лисѣ меду, вѣдь Лиса сластена, вотъ и прикинулась она больной: .кахи, да кахи, покою не дастъ Медвѣдю, всю ночь прокашляла.

— Кумушка, вѣдь ты знахарка, говоритъ Мишка, хоть бы чѣмъ пинаестъ полечилась.

— Охъ, куманекъ, есть у меня снадобъеце,

Первинка другая.

3

только бы медку въ него подбавить и все какъ есть рубой сыметъ.

Всталъ Мишка съ полатей и вышелъ въ сѣни, снялъ кадку—анъ кадка пуста!

— Куда дѣвался медъ! заревѣлъ Медвѣдь. Кума, это твоихъ рукъ дѣло!

Лиса такъ закашлялась, что потвѣта не дала.

— Кума, кто съѣлъ медъ?

— Какой медъ?

— Да мой, что въ кадочкѣ былъ?

— Коли твой былъ, такъ значить ты и съѣлъ, отвѣчала Лиса.

— Нѣтъ, сказалъ Медвѣдь, я его не ѣлъ. же про случай беретъ; это знать ты, кума, спалила?

— Ахъ, ты обидчикъ этакій, зазвалъ меня бѣдную спроту къ себѣ, переманилъ съ роднаго пенелища, да и хочешь со свѣту сжить! Нѣтъ, другъ, не на такую попалъ! не даромъ я знахарка, мигомъ виноватаго узнаю, развѣдаю, кто медъ съѣлъ.

Вотъ Медвѣдь обрадовался и говоритъ:
— Пожалуста, кумушка, поворожи ма-
ленько.

— Ворожба немудрена: ляжемъ противъ
солнца, у кого медъ изъ живота вытопится,
тотъ его и съѣлъ.

Вотъ легли, солнышко ихъ пригрѣло, Мед-
вѣдь захрапѣлъ, а Лисанька скорѣй домой:
соскребла по уторамъ послѣдній медокъ изъ
кадки, вымазала имъ Медвѣдя, а сама, умывъ
лапки, ну Мишеньку будить:

— Вставай, вора нашла! Я вора нашла!
кричитъ въ ухо Медвѣдю Лиса.

— Гдѣ? заревѣлъ Мишка.

— Да вотъ гдѣ, сказала Лиса и показала
Мишкѣ, что у него все брюхо въ меду.

Мишка сѣлъ, протеръ глаза, провелъ ла-
пой по животу, лапа такъ и льнетъ, а Лиса
его коритъ:

— Вотъ видишь, Михайла Потаповичъ,
солнышко-то и попутало, медъ изъ тебя вы-

топило; впередъ, куманекъ, своей вины на
другаго не сваливай!

Сказавъ это, Лиска махнула хвостомъ,
только Медвѣдь и видѣлъ ее.

ТОВА ДА ЕРЕМА.

Жили-были на деревнѣ два брата, деревня большая, четыре двора, восемь улицъ, стоитъ на горѣ, а хлѣба ни корки; жили въ той деревнѣ мужики все богатые, дѣвать денегъ некуда, а кошель кунить не на что. Вошли Тома съ Еремой во веѣ года, борода у нихъ выросла, ума не вынесла, голова съ лукошко, да мозгу ни крошки!

Задумали братья нашу пахать, рожь у нихъ не выникла, яровое не возшло, они соху да борону сломали, по вѣтру раскидали. Вздумали, сгадали въ лѣсъ на охоту идти: зайцевъ не видали, отъ волковъ сами бѣжали. Пошли на озеро удить, рыба не клюетъ,

а Тома съ досады брата за усъ дереть, Ерема во все горло реветъ. Рыбы не поймали, поплавки оборвали, удилница поломали, а лесеы въ тростникѣ увязили. Съли они въ лодку, забрали мережи, хотѣли неводомъ осетра поймасть, да лодка утла, ладами потекла, вотъ они въ ней двое сутокъ тонули, ко дну не пошли, добрые люди спасли. Съли братья сушиться на бережокъ, встряхнули рожокъ о каблучекъ, поюхиваютъ табачекъ, видятъ—плыветъ мимо ихъ стая сѣрыхъ гусей, схватилъ Тома хворостину, а Ерема сгребъ булыжникъ, Тома кинулъ—не докинулъ, Ерема кинулъ—перекинулъ. Видятъ братаны въ озерѣ звѣзды отсвѣчиваютъ, думаютъ серебряныя деньги, схватили рѣшета и ну ихъ ловить: руки отмахали, звѣздъ не набрали. На завтра Тома съ Еремой пошли опять на промыселъ—за мухой съ обухомъ, за комаромъ съ топоромъ; мухи не поймали, комара не сыскали. Сговорились братья ѣхать въ торгъ торговать,

накупили холстовъ, поѣхали въ Ростовъ, ѣхали не путемъ, погоняли кулакомъ, въ Ростовъ не пріѣхали, семи верстъ не доѣхали. холсты у нихъ побрали, лошадь потеряли. телегу на себѣ домой повезли. Эхъ, Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома да точилъ веретена! Люди съ умомъ торгуютъ, а безъ ума горюють.

ВОЛКЪ ДУРЕНЬ.

Уродился волкъ дурнемъ, выросъ съ конпу, голова съ котелокъ, а ума съ ногогокъ: поидеть ли бывало на покормъ, всѣхъ собакъ перебудить, собаки залаютъ, замечутся, и убѣжить волкъ голодный во-своеси; приляжетъ ли гдѣ соснуть, растянется на самомъ торномъ мѣстѣ, хоть объѣздомъ объѣзжай его; благо что не попадался на охотниковъ. Вотъ разъ, видить волкъ, идетъ лѣсомъ борзая собака, большая-пребольшая, зубастая-презубастая; да такая хилая, что еле бредеть, пзъ стороны въ сторону пошатываясь. „Дай-ка я съ ней спознаюсь, погутаю, о томъ, о семъ покалякаю, а напоследяхъ и съѣмъ,“ думаетъ

волкъ. Вздумано, стадано — на половину дѣло сдѣлано, отъ такого волчища гдѣ уйти большой собакѣ!

Вотъ съли они рядышкомъ и стали разумныя рѣчи вести; собака разказала, какъ жила она у охотника, не больше не меньше трехъ годовъ, какъ съ нимъ на всякую охоту хаживала. всякую службу служивала, да и дослужилась до такой милости, что ее хилую полѣномъ со двора согнали. Выслушалъ волкъ, разжалобился и сталъ самъ про свое горемычное житье сказывать: какъ оцъ недѣлю проголодавши напалъ на быка, а быкъ подпаялъ его на рога да метнулъ кверху, разъ метнулъ, другой метнулъ, да и хватилъ оземь, чуть до смерти не убилъ! „Онамятовавшеся гляжу, говорить, надо мной стоить кума лиса; сжалилась она да и говорить: худой у тебя разумъ, Левонъ Пванымчъ, зачѣмъ снереди на быка напалъ, ты бы къ нему тихохонько сзади подкрался. Ну вотъ

я это дѣло смекнулъ и какъ только перевалялся, послѣ быковыхъ побоевъ, то и пошелъ на промыселъ; увидалъ въ полѣ боня, тихо-хонько подкрался къ нему сзади и только было схватить его за ногу, какъ онъ взвился на дыбы, да какъ хватить меня задними копытами—я тутъ и присѣлъ! Вотъ, Терзаяшка, послѣ этого и слушай народъ: спереди подошелъ, быкъ передомъ чуть не убилъ, сзади подошелъ, конь задомъ чуть не убилъ! съ той поры закаялся я съ крупнымъ скотомъ связываться. Однако голодъ не свой братъ, не ждешь, пошелъ вечеръ по добычу, повстрѣчалъ свинью съ поросятами; я на нее, а она какъ добрая говоритъ: стой, волченъка, дай напередъ поросятъ перемять, вишь какіе грязные, что тебѣ ротъ марать! Ну, молъ, ладно, иди, а я за тобой слѣдомъ пойду. Пошли. Пришли къ мельницѣ, свинья мнѣ и говоритъ: ты-де, Левонъ Иванычъ, становишь по ту сторону заставки, гдѣ нѣту воды,

я стану въ водѣ дѣтокъ мыть, да тебѣ по
одиночкѣ въ пасть швырять. Миѣ это дѣло
полюбилиось: ладно, говорю я, разинулъ пасть
пошире, жду, стою подѣ мостомъ, а свинья
ухватила заставку зубамп, да и вытащила
ее; вотъ какъ вода-то свиснетъ да хлынетъ
прямо на меня, чуть не захлебнулся, а вода-
то все прибываетъ да прибываетъ; я хочу на
берегъ вылѣзть, а вода съ погѣ сбиваетъ,
сбила, да такъ и несетъ, чуть было не уто-
нулъ! кой-какъ выбрася, а ѣсть смерть хо-
чется! Вижу идетъ козелъ, я къ нему, го-
ворю: стой, козелъ, ужъ видно теперь смерть
твоя пришла, я съѣмъ тебя! а козелъ миѣ
на это: ужъ коли взаправду конецъ мой при-
шелъ, такъ стало быть дѣлать нечего, надо
погибать! Стой же ты, Левонъ Иваычъ, на
ногахъ покрѣпче, да разинь ротъ пошире, а
я разбѣжавшися вскочу самъ къ тебѣ въ
пасть! Вотъ я, волкъ ученый, оглядѣлся кру-
гомъ, нѣтъ ли гдѣ мельницы, нѣтъ ли воды;

воды, нѣтъ да и мельницы не бывало, стало, разпнулъ зѣвъ и жду козла, а козель, какъ разбѣжится да ударить меня рогами, одинъ глазъ вовсе вышибъ, а другой больно помялъ, самъ же даль тягу! Вотъ, другъ Терзай, какія невзгоды бываютъ нашему брату, кабы ты не подвернулся, такъ я бы сегодня, а можетъ и завтра голодалъ.

Терзай смекнулъ волчью дурость и говоритъ:

— Жаль миѣ тебя, волченька, только и отъ меня плоха пожива будетъ; вотъ кабы даль ты миѣ оправиться, повыздоровѣть, да тѣмъ временемъ послаще покормилъ, такъ увидалъ бы меня въ тѣлѣ и скушалъ бы власть!

Поправились такія рѣчи волку, пошелъ онъ на промыселъ, засѣлъ у дороги ждать; вотъ погналъ настухъ стадо, волкъ бросился въ самую серединку, овцы шарахнулись, а нашъ сѣрый выхватилъ овцу изъ середки,

взвалилъ на себя и понесъ домой. Припесъ, разорвалъ на части и говорить:

— Кушай, отъѣдайся, Терзаюшка, а какъ отъѣшься, да въ настоящее тѣло войдешь, тогда я тебя съѣмъ.

Ну, они и принялись вдвоемъ ѣсть овцу, досыта наѣлись и на утро покинули. На другой день, ни свѣтъ ни заря, Терзай съ волкомъ за обѣдомъ сидятъ. Поѣли, отдохнули, волкъ опять пошелъ стадо караулить: какъ поравнялись съ нимъ овцы, онъ и вскопчилъ въ самую серединку, овцы шарахнулись, онъ выхватилъ одну, взвалилъ на себя и понесъ собакѣ. Припесъ и говорить:

— На, кушай, отъѣдайся, Терзаюшка, а какъ отъѣшься, да въ настоящее тѣло войдешь, такъ я тебя съѣмъ!

Вотъ и принялись собака съ волкомъ вдвоемъ овцу улетать, ѣли, ѣли до отвалу, наѣлись и на утро покинули. На третій день тоже, ни свѣтъ, ни заря, а Сѣрый съ Терзасемъ

овечку доѣдаютъ. Поѣли, отдохнули; волкъ опять пошелъ на промыселъ, да вернулся ни съ чѣмъ, злой-презлой: пастухъ вишь обзавелся собаками, а волкъ собакъ не долюбиваетъ. Вотъ и сталъ нашъ дурень на Терзая покашиваться да къ нему подбираться; Терзай самъ не промахъ, догадался, да и говоритъ:

— Вотъ я, Левонъ Иванычъ, овцу съ тобой съѣлъ?

— Съѣлъ, говоритъ волкъ.

— И другую съѣлъ?

— И другую съѣлъ, отвѣчаетъ волкъ.

— Теперь кабы мнѣ говядинки добыть, такъ ужъ вотъ какъ есть въ настоящее бытѣло вошелъ!

— Ладно, сказалъ волкъ, и пошелъ добывать говядины. День прошелъ, другой прошелъ, нѣтъ волка, а Терзай той порой и выздоровѣлъ и оправился; на третій день идетъ волкъ и тащитъ телку; ну, говоритъ,

виновать, Терзаюшка, говядины нѣтъ, а покушай телятинки. Пу, что съ тобой станешь дѣлать, нахмурился отвѣчаетъ собака, подавай хоть телятины!

И принялись они ѣсть теленка, ѣли, ѣли, досыта наѣлись, и на другой день ѣли, и на третій осталось. Вотъ на четвертый день волкъ спрашиваетъ:

— Терзаюшка, а Терзаюшка, въ тѣлѣ-ль ты? а самъ его ланкой щупаетъ.

Какъ оцетинится Терзай да вскочить, да ну волка трепать! Волкъ отъ него, Терзай за нимъ, волкъ бѣжитъ, Терзай гонки задаетъ; вотъ бѣжалъ, бѣжалъ волкъ да вдругъ провалился въ волчью яму. Волкъ воетъ, Терзай лаетъ, сбѣжалнесь собаки, собрались мужики и доконали волка, а Терзая къ себѣ на службу взяли.

МЕДВѢДЬ ПОЛОВИНЩИКЪ.

Жилъ-былъ мужичекъ, въ крайней пзбѣ на селѣ, что стояла подлѣ самаго лѣса, а въ лѣсу жилъ медвѣдь, и что ни осень заготовлялъ себѣ жилье, берлогу, и залегалъ въ нее съ осени на всю зиму, лежалъ да лапу сосалъ. Мужичекъ же весну, лѣто и осень работалъ, а зимой щи и кашу ѣлъ, да квасомъ запивалъ. Вотъ и позавидовалъ ему медвѣдь, пришелъ къ нему и говоритъ:

— Сосѣдунка, давай задружимся!

— Какъ съ вашимъ братомъ дружитья: ты, Мишка, какъ разъ пскалѣчишь! отвѣчалъ мужичекъ.

— Нѣтъ, сказалъ медвѣдь, не пскалѣчу,

слово мое крѣпко, вѣдь я не волкъ, не лиса, что сказалъ, то и сдержу! Давай-ка станемъ вмѣстѣ работать!

— Ну ладно, давай! сказалъ мужикъ. Ударилъ по рукамъ.

Вотъ пришла весна сталъ мужикъ соху да борону ладить, а медвѣдь ему изъ лѣсу вязки выламываетъ да таскаетъ; справивъ дѣло, уставивъ соху, мужикъ и говоритъ:

— Ну, Мишенька, впрягайся, надо пашню подымать.

Медвѣдь впрягся въ соху, выѣхали въ поле; мужикъ, взявшись за рогаль, пошелъ за сохой, а Мишка идетъ впередъ, соху на себѣ тащитъ; прошелъ борозду, прошелъ другую, прошелъ третью, а на четвертой говоритъ:

— Не полно ли пахать?

— Куда тебѣ: отвѣчаетъ мужикъ, еще надо дать концовъ десятка съ два!

Измучился Мишка на работѣ, какъ побойчиль, такъ тутъ же на пашнѣ и растянулся.

Мужикъ сталъ обѣдать, накормилъ товарища, да и говоритъ:

— Теперь, Мишенька, соснемъ, а отдохнувши надо вдругорядъ перепахать.

И въ другой разъ перепахали.

— Ладно, говоритъ мужикъ, завтра приходи, станемъ боронить и сѣять; только уговоръ— лучше денегъ: давай напередъ положимъ, коли пашня уродить, что кому брать: все ли поравну, все ли по-поламъ, или кому верхки, а кому корешки?

— Миѣ верхки, сказалъ медвѣдь. — Ну ладно, повторилъ мужикъ, твои верхки, а мои корешки. — Какъ сказано, такъ сдѣлано; пашню на другой день заборонили, посѣяли рѣпу и сызнова заборонили, да еще разъ на нашиѣ же подтвердили: медвѣдю верхки, мужику корешки. Пришла осень, настала пора рѣпу собирать, снарядились наши товарищи, пришли на поле, повытаскали, повыбрали рѣпу: видимо-невидимо ея! Сталъ мужикъ Мишкину

долю, ботву срѣзывать, вороха навалилъ съ гору, а свою рѣпу на возу домой свезъ. И медвѣдь пошелъ ботву въ лѣсъ таскать, всю перетаскалъ къ своей берлогѣ; присѣлъ, по-пробовалъ, да видно не по вкусу пришлась!... Пошелъ къ мужику, поглядѣлъ въ окно; а мужичекъ напарилъ сладкой рѣпы полонъ горшокъ, ѣсть да причмокиваетъ. — Ладно, подумалъ медвѣдь, впередъ умнѣе буду!

Медвѣдь пошелъ въ лѣсъ, залегъ въ берлогу, пососалъ, пососалъ лапу, да съ голодухи заснулъ и проспалъ всю зиму.

Пришла весна, поднялся медвѣдь худой, тощій, голодный и пошелъ опять набиваться къ сосѣду въ работники, а мужикъ тому и радъ. Справили соху съ бороной, впрягся медвѣдь и пошелъ таскать соху по напшѣ; умаялся, упарился, сталъ въ пень и легъ отдохнуть; мужичекъ самъ поѣлъ, медвѣдя накормилъ и легли оба соснуть; выпавшиесь мужикъ сталъ Мишку будить: „пора-де въ

другорядъ перенахивать. “ Печего дѣлать, принялся Мишка за дѣло! Какъ кончили нашу, медвѣдь и говоритъ:

— Ну, мужичекъ, уговоръ лучше денегъ, давай условимся теперь: на этотъ разъ вершки твои, а корешки мои, ладно что-ли?

— Ладно! сказалъ мужикъ, твои корешки, мои вершки!

Ударили по рукамъ. На другой день нашу заброронили, посѣяли пшеницу, прошли по нивѣ бороной и еще разъ тутъ же упомянули, что теперь-де медвѣдю корешки, а мужичку вершки.

Настала пора пшеницу убирать, мужикъ жнетъ не покладаячи рукъ; скалъ, обмолотилъ и на мельницу свезъ; принялся и Мишка за свой паф, сталъ ожинъ дергать, надергалъ соломы съ корнями цѣлые вороха и пошелъ таскать въ лѣсъ къ своей берлогѣ, всю солому переволокъ, сѣлъ на пенекъ отдохнуть да своего труда отвѣдать, пожевалъ

соломки — нехорошо! пожеваль корешковъ— не лучше того! Пошелъ къ мужику, заглянулъ въ окно, а мужичекъ сидитъ за столомъ, шеничныя ленешки ѣсть, бражкой запиваетъ да бороду утираетъ. „Видно ужъ моя такая доля, подумалъ медвѣдь, что изъ моей работы проку нѣтъ: возьму вершки, вершки не годятся, возьму корешки, корешки не ѣдятся!“ Тутъ Мишка съ горя залегъ въ берлогу и проспалъ всю зиму, да ужъ съ той поры не ходилъ къ мужику въ работу. Коли голодать, такъ лучше на боку лежать.

ТОВА СЪ ЕРЕМОЙ МОСКВУ СМОТРЯТЪ.

„Ахъ ты, матушка Москва, православная, бѣлокаменная, златоглавая, хлѣбосольная, словоохотливая! Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ,“ говоритъ народъ. Тоба съ Еремой слушаютъ, да себѣ на усь мотаютъ, и разобрала ихъ охота Москву посмотреть. Что далеко ходить? взобрались кое-какъ на сосѣднія сосны, глядь-поглядъ, а Москвы не видать! До ночи просидѣли, глаза просмотрѣли, а Москвы не наглядѣли. Вотъ вздумали-сгадали, въ путь собрались, московскаго хлѣба-соли поѣсть, на бѣлокаменную посмотреть, да ея словоохотетва послушать. Шли, шли, пришли въ какой-то го-

родъ; а городъ затѣйный, что ни домъ, то съѣстной да питейный.

— Это чтоль Москва? брыкнулъ Оома.

— Куда тебѣ Москва! до матушки Москвы еще два дня ходу, молвилъ мужичокъ съ возу, а вы въ Москву что-ли?

— Въ Москву.

— Такъ садитесь, намъ по пути, мы Сосновскіе, веземъ въ Москву овесъ.

— Ладно.

Сѣли, поѣхали, долго-ли, коротко-ли ѣхали, а на другой день чѣмъ свѣтъ ужъ и въ Москвѣ.

Стали Сосновскіе на базарѣ, а Оома съ Еремой пошли хлѣба-соли отвѣдать, походили, походили, никто въ гости не зоветъ. Вотъ завидѣли пироженка съ лоткомъ, пирожникъ бѣжитъ по морозу да покрикиваетъ:

Вотъ пироги у насъ горячи:

Беруть кушцы, ядятъ подъячіе!

Вотъ съ печенкой, вотъ гусачьи;

Вотъ пироги изъ печи горячи,
 Кипятъ, прѣютъ, на жару спѣютъ,
 Шипятъ, кипятъ, чуть не говорятъ!

Наши братаны къ пирожнику: „хлѣбъ да соль!“ а имъ въ отвѣтъ: „ѣшь да свой!“ Почесали затылки, пошли въ красные ряды. сладкой мезги *) покупать: а ихъ сидѣльцы на смѣхъ поднимаютъ: такого-де товара мы покоиъ вѣка не видали!

Нечего дѣлать, пошли Тома съ Еремой по городу шататься, московскихъ сластей искать; зашли на площадь, что сплошь бѣлымъ плитнякомъ вымощена, узорчатой рѣшеткой огорожена. Тома съ Еремой обрадовались, думали, что тутъ-то базаръ и есть, взбѣжали на паперть, захопали рукавицами, да какъ заругать:

— Тутъ что ли Сосновскіе мужики овесъ ссыпаютъ?

---

*) Мезга—густой сокъ сосны подъ корой, который по осени твердѣетъ и обращается въ блонь, а весною спона приливаетъ.

Вотъ народъ на нихъ и вскинулся:

— Что орете, а шапки не ломаете!

— А что, спросили братаны, аль староста тутъ?

— Эхъ вы, дураки, не видите что въ соборъ вошли!

Взяли ихъ подъ руки, вывели изъ церкви, да и показали Пвана Великаго. — Осѣбили что ль, друзья, не видите, что въ Кремль затесались!

— Батюшки свѣты, высь-то, высь какая! вскрикнули Ѳома съ Еремой, и какъ это крестъ на макушку воткнули?

— Эхъ вы, сказалъ служивый, и по бородѣ знать, что лопатой звать, вѣстимо какъ ставили: нагнули, да и воткнули!

— Ой ли? ай да Москвичи! молвили братаны и разинули рты.

— Глядь-ка, глядь, Ерема: вѣдь на крестѣ-то наша ворона, и стали пугать да на во-

рону махать, а ворона ип гугу, звать дураковъ своими не признала.

Народу собралось видимо-невидимо около *Юомы* съ *Еремой* и стали ихъ на смѣхъ подымать. Подошелъ еще тутошній московскій дуракъ, поглядѣлъ на дураковъ, плюнулъ, да и говоритъ: „эка-де невидаль!“

Вотъ въ сумеркахъ *Сосновскіе* повстрѣчали *Юому* съ *Еремой*:

— Здорово, говорятъ.

— Здорово.

— Что, чай, все сайки да калачи съ щипрогами ѣли, да медкомъ запивали?

Замотали *Юома* съ *Еремой* головами и стали отплевываться:

— Вотъ-де, сказываютъ, Москва сластена, всего у нея вдоволь, только-что птичьего молока пѣтъ, анъ Москва бьетъ съ носка, накормили насъ такимъ добромъ, что о сю пору на сердцѣ мутитъ, съ души преть!

— Какъ такъ? спросили *Сосновскіе*.

Вотъ и стали братаны про все сказывать, какъ они ждали среди улицы угощенья, московской хлѣба-соли, какъ не дождавшись пошли сами на свой грошъ промыплять, сластей добывать; Еремѣ-де приглянулась бѣлая масляная палочка, Тома облюбовалъ съ-пряникъ въ полкиршича; присѣли на камень, да тутъ же и закусили, и не успѣли всего съѣсть, какъ ихъ съ московскихъ гостинцевъ съ души скинуло, а гостинцы вотъ какіе: Ерема съѣлъ сальную свѣчу, а Тома брусокъ съраго мыла; они на своей деревнѣ ни свѣчи, ни мыла отъ роду не видывали.

— Дураки, молвили имъ Сосновскіе, вольно-жь вамъ свѣчи да мыла не признать!

— Вѣдь мы люди не грамотные, ѣдимъ пряники непшепные, отозвался Тома, что былъ побойчѣе.

„Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“; собрался братаны идти во свояси. Вотъ, идучи путемъ-дорогой, запримѣтилъ Ерема тучу.

— Глянь-ка, Ғома, какая бѣда, говоритъ Ерема, вѣдь градовая туча несется! а самъ, что основной лцеть, трясется.

— Ну, какая тамъ бѣда прикинулась, вишь дуракъ, тучи испугался!

— Да вѣдь градъ пойдетъ, насъ побьетъ!

— Какой градъ, дождь будетъ.

— Анъ градъ!

— Анъ дождь!

— Нѣтъ, градъ!

— Нѣтъ, дождь!

Тутъ Ғома озлился:—Не хочу говорить съ дуракомъ, да хватъ Ерему кулакомъ, а нашъ Еремей самъ не ротозей, самъ сдачи далъ.

Ни градъ, ни дождь нейдетъ, а у Ғомы съ Еремой кровь изъ носу льетъ!

— Хотъ рыло въ крови, да наша взяла, говоритъ Ғома, а Ерема про себя думаетъ: худой миръ лучше доброй драки, не все таской, ино и лаской.

Вотъ такъ-сякъ братья промежь себя пола-

дили, встали и пошли; долго-ли, коротко-ли шли, видятъ — стоитъ деревня, Ома и говорятъ:

— Придемъ въ деревню, бабы поставятъ намъ молока, знатно похлебаемъ!

Ерема облизнулся, да и примолвилъ:

— А я въ молочко хлѣбца покрошу!

— Иѣтъ, не кроши!

— А вотъ покрошу!

— Не кроши, тебѣ говорятъ, молоко проквасишь!

— А вотъ же покрошу! сказалъ Ерема.

Ома вѣднися брату въ волоса, и другъ дружку славно оттакали. Пришли въ деревню, а молока имъ никто не далъ, пока они дрались, хозяйева все сами поѣли.

МЕЧКА (МЕДВѢДИЦА).

Въ лѣсу, подъ колодою, въ берлогѣ, жила была медвѣдица съ медвѣжатками. Еще съ осени надрала она моху, постлала постель и залегла на зиму. Какъ пришла весна, такъ поднялась она добывать про семью свою кормъ, медвѣжаткамъ же строго-настрога наказала не ссориться, не ревѣть, лежать смирно, да про все, про что слышать, сказывать ей. „Ладно“, отвѣчали медвѣжатки, а какъ мать ушла, такъ и вцѣпились другъ въ друга, и пошла у нихъ поволочка по всей берлогѣ. Понядалеку оттуда было зайкино логовище; вотъ сѣренькій наостря ушки слушаетъ: „что бы это такое было, думаетъ

онъ, собаки не собаки, волки не волки, а словно гдѣ-то телята орутъ, дай пойду поразвѣдаю!“ Вотъ зайка, прижавъ ушки къ макушкѣ, пошелъ тихонько пробираться по лѣсу, дошелъ до берлоги, глянулъ въ нее и покотился со смѣху, увидавъ толстыхъ неуклюжихъ медвѣжатъ, которые потчивали другъ друга заушинами и ревѣли во все медвѣжье горло!

— Эхъ вы, дурачье, сказали зайка плюнуть, только званья, что медвѣжьи дѣтки, а хуже свиныхъ поросятъ. Сказалъ да какъ прыскать отъ берлоги!

Ему почудилось сырѣ-борѣ трещить, а это медвѣдица домой идетъ.

Вотъ пришла она сытая, веселая и стала медвѣжатъ спрашивать:

— Не ссорились ли они безъ нея?

— Куда намъ ссориться, мы безъ тебя все другъ дружку лизали, да на ушко сказки сказывали, и все бы хорошо было, да ужъ

больно заяцъ насъ разобидѣлъ: онъ насъ, твоихъ дѣтенышей, обозвалъ свинными дѣтками и плюнулъ на берлогу нашу.

Обидѣлась, разсердилась медвѣдница и говоритъ: вотъ ужъ, косою, постой, я те улющей на ложку, будешь моихъ дѣтокъ поросятами обзывать!" У, у, у, заревѣла она и пошла на заячье логово, а сѣрый, задравъ уши, понесся, что есть духу, въ самую трущобу; мечка за нимъ, онъ отъ нея, она за нимъ, онъ со страху шмыгнулъ сквозь расколотый грозною кряжъ, она сунулась за нимъ, да и завязла! Вотъ она и туда и сюда порывается, а кряжъ держитъ, словно канканомъ охватило! Какъ быть? вотъ и слышитъ она, кто-то по лѣсу ѣдетъ да пѣсенки попѣваетъ; это знать мужичекъ изъ сосѣдней деревни, дай, думаетъ покучусь ему, попрошу, ину пору, сказываютъ, у чловѣка на милость образца пѣтъ; вотъ, какъ завидѣла она мужика, и стала его ублажать:

— Добрый человекъ, выпусти ты меня изъ проклятой лещедки, а ужъ я твоей милости вѣкъ не позабуду и для первоначала бортьсю поклонюсь, укажу, гдѣ пчелы привились.

Задумался мужичокъ — бить или не бить мечку? убить ее хорошо, первымъ дѣломъ худая трава изъ поля вонъ, да и за шкуру цѣлковыхъ пять дадутъ; не убить также хорошо, бортьями обзаведусь, пчеловодомъ буду, медомъ да воскомъ торговать стану и въ кушцы выду! Ну была не была! подумалъ онъ, схватилъ топоръ и ну расклинивать да колоть; расщенилъ на-двое, выпустилъ медвѣдицу, а та ему поклонъ да и повела борть казать, сама же дорогой говорить:

— Я тебѣ не одну борть укажу, только ты головушки моей не срами, никому не сказывай, что я, старая медвѣдица, изъ-за такой дряни, изъ-за сѣраго зайчишки, чуть было головы не сложила!

Нашъ мужикъ на радостяхъ все обѣщалъ,

Первенка другая.

5

спазилъ на дерево, меду нарѣзалъ и поѣхалъ домой. Медвѣдицу той порой взяло раздумье. что если мужичекъ на бѣду проговорится? Вѣдь позору не оберешься, пойдутъ толки да пересуды. Вотъ и пошла она за мужикомъ слѣдомъ, пришла въ деревню, схоронилась за тынъ и стала слушать, а на дворѣ у мужа радость, ширь горой, ребята хлѣбъ съ медомъ ѣдятъ, да отца выспрашиваютъ: „откуда, тятя, меду добылъ?“ и жена притала: „скажи да скажи, кто борть указалъ?“ Мужичекъ на радостяхъ все семьѣ разеказалъ; вотъ и стали они зайца величать. а надъ медвѣдицей издѣваться.

Ладно же, свѣтъ мой мужичекъ, думаетъ мечка, смѣшки твои слезами отольются!

Съ той поры стала она мужика подстергать. Вотъ поѣхалъ онъ разъ въ поле хлѣбъ сѣять; глядь, а медвѣдица на дорогѣ оцетипясь сидитъ, его поджидаетъ.

„Здорово, мечка!“ крикнулъ онъ ей, а та,

ставъ на дыбы, реветъ: „такъ-то ты свое слово держишь, добро бы нашъ братъ звѣрь, а то, говоритъ, и человѣкъ, а лукавишь! уговаривался небось молчать, а какъ стали дѣти допытываться, такъ все и рассказалъ? теперь ужь не прогибѣвайся, я тебя за это съѣмъ!“

Мужикъ оробѣлъ и ну отпрашиваться, ну отмаливаться; а она и слышать не хочетъ, рычитъ свое: „съѣмъ, да и только!“ Пословица правду говоритъ: „русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ,“ вотъ какъ пришла бѣда, такъ и спохватился мужичокъ, что не ладно въ тѣ поры сдѣлалъ, хоть и не себѣ, такъ людямъ во вредъ лихаго звѣря помиловалъ, --- это первое; второе, слова не сдержалъ: коли общалъ медвѣдицѣ про заячью обиду молчать, такъ и молчалъ бы!

Вотъ стала медвѣдица готовится мужика ѣсть, стала когти точить. Вдругъ откуда ни взялась стая собакъ—тяфъ, тяфъ, тяфъ! а за ними охотники — пафъ, пафъ, пафъ!

Туть пришелъ конецъ нашей медвѣдицѣ, и, не доточа когтей, повалилась она мертвая. Мужичекъ съ пересугу долго хворалъ и съ той поры зарекся щадить лихаго звѣря, да не держать слова, и дѣткамъ и внукамъ говорилъ: „со звѣремъ, не снявъ съ него шкуры, не мирись, а самъ, не давъ слова, крѣпись, а давъ слово, держись!“

АКУЛЯ НЕДѢЛОВА.

Старуха женила сына на дѣвѣ изъ чужой деревни; вѣтъ бы молодка была хоть куда: и здорова и видна, и румяна и бѣла, и изъ семьи богатой, взяли за ней приданого овцу да корову, да скрыню съ одежей; за Акулей была одна бѣда: съ лѣнцою да съ придурью уродилась, ей бы только поцѣть, поѣсть, поспать, да дѣла не вѣдать.

На первыхъ порахъ свекровь эпоху всячески ублажала: и поздно будила, и сладко кормила, а сама всю бабью работу за двоихъ справляла. Вотъ разъ слышитъ она, эпоха въ избѣ голосомъ востъ, словами причитаетъ: „свѣтъ ты мой, крошеничка, забыла я тебя.

покинула у родимой у матушки!“ Старуха со всёхъ ногъ кинулась въ избу: — что, сношенька, чего тебѣ, о какой крашенинѣ поминаешь?

Да что дома у родимой на печи осталась.

А много ли аршинъ? сами красили, аль красильщикамъ отдавали? донатывала свекровь. Пшениц, Акуля, мать не покорыстуется, отдасть.

— Да, какъ не отдасть! чай мою-то крошенинку давнымъ-давно съѣли! а я въ квасокъ-то густо-нагусто хлѣба покрошила, да лучку съ маслицемъ положила!

Акуля помянула объ окрошкѣ, а свекровь ея думала, что она плачетъ о крашеномъ холстѣ, изъ котораго бабы сарафаны шьютъ.

Разъ накроила свекровь сыну рубашекъ и съѣла съ невѣткой шить. Сидитъ моя молодая, тычетъ иглой да ныхтитъ; глянула ста-

руха на невѣсткину работу и видѣть, что Акулина шьетъ не полюдеки, отъ себя.

— Акуля, что шьешь не отгуля?

-- Незамай, матушка, я еще пороть стану, отвѣчала та.

Вотъ собралась старуха въ дальнее село, свою большую дочку провѣдать; стала она съ дѣтьми прощаться и наказываетъ сыну: „чтобы жену любить, хорошо кормить, уму-разуму учить; а ты, невѣстынька, мужа слушайся, работу помни, сложа руки не сиди, послѣ каждаго дѣла за прялку хватайся, за это станетъ и мужъ любить и добрые люди хвалить!“

— Ладно, мамушка, сказала Акуля. — Поцѣловались онѣ со свекровью въ двѣ щеки, поклонились другъ другу въ оба плеча малымъ поклономъ, да еще однимъ большимъ и разошлись каждая въ свою сторону.

Вотъ Акуля, помня свекровинъ наказъ, за какое дѣло ни возьметъ, все за прялку схва-

тится, творогъ ли отжимаеть, тѣсто ли мѣситъ, уткамъ ли кормъ готовитьъ, а сама хватъ да хватъ за прялку, да такихъ лещешекъ насажала, что мужъ всилу косаремъ отскребъ. Акуля едуру не уразумѣла свекровиныхъ словъ: та наказывала ей держаться за прялку умомъ, не покидать, не забывать ея, потому что прялка весь домъ одѣваетъ, а она, сноха, стала только за нее руками хвататься! Безъ старухи пришла на Акулю тяжелая пора: и печь затопи, и хлѣба испеки, и кашу завари, и щей приставь, одной не управиться! Вотъ соскучась работой, затѣяла Акуля наша изъ дому бѣжать; напекла пироговъ, кокурокъ, лещешекъ, всякихъ сластей, уложила въ мѣшокъ, а сама побѣжала съ товаркой проститься, благо мужъ въ городъ на базарь уѣхалъ. Анъ случилось на Акулину бѣду, что мужъ рано домой вернулся, увидалъ мѣшище и думаетъ: „куда это моя баба собралась, что столько харчей наготовила? дай-ка

я мѣшокъ опростаю, самъ въ него сяду да за ней пригляжу!“ Какъ сгадалъ, такъ и сдѣлалъ. Пришла Акулина, схватила мѣшокъ, взвалила его на плеча и пошла домой, къ родной своей матери. Прошла верстъ пятокъ и хотъ была она баба дюжая, сильная, а все же волоча уморилась, мужа за плечами; вотъ спустила, мѣшокъ сѣла на пенекъ и говоритъ: „сѣсть-бы, сѣсть на пенекъ, сѣсть-бы, сѣсть прожокъ!“

А мужъ изъ мѣшка какъ крикнетъ: „эй, жена, куда запропастилась, вотъ ужо, дай срокъ, нагоню я тебя!“

„Ахъ, батюшки свѣты, некакъ хозяинъ въ погоню за мною побѣгъ!“ Тутъ схватила Акуля мѣшокъ и пу улетывать отъ мужа, а не знаетъ того, что мужъ на ея же шеѣ сидитъ. Бѣжала, бѣжала, до смерти устала, сѣла опять на пенекъ, спустила мѣшокъ и говоритъ: „сяду, сяду на пенекъ, сѣмъ-ка, сѣмъ прожокъ!“

Вотъ мужъ опять на нее крикнулъ. Акуля испугалась, опять схватила мѣшокъ, взвалила на себя и побѣжала черезъ силу.

Бѣжала, бѣжала, съ ногъ свалилась и говорить: „ну теперь хоть самъ стань передо мной, не двинусь ни рукой, ни ногой!“

Вотъ самъ-то и вылѣзъ изъ мѣшка, да какъ крикнетъ на жену; „ты это что меня въ мѣшокъ посадила, видно занести, да закинуть куда хотѣла?“

Тутъ Акулина стала отмаливаться, отговариваться, что она-де вѣдать не вѣдаетъ и знать не знаетъ, какъ его вмѣстѣ съ пирогами въ мѣшокъ уложила.

Ну ладно, баба, на этотъ разъ прощу, а впередъ не проси, зашью самое тебя въ мѣшокъ, да вотъ, какъ ты меня теперь, такъ и я тебя на томъ же мѣстѣ и свалю.

Вернулся домой. Ужь какая неохота Акулици за дѣло приниматься, на коровъ съ телятами и не смотрѣла-бы, а птицы, хотя-бъ

вовсе и въ заводѣ не было! Были-бы Акулинѣ печь да щи съ пирогами, а затѣмъ по ней хоть трава не расти!

Пришла пора хлѣбъ жать, вотъ мужъ и посылаетъ жену въ поле:

— Поди-де, пожни, не лѣнишься, а я поуправяюсь съ дѣлами, не сегодня—завтра, и самъ на жнитво приду.

А Акулина ему въ отвѣтъ:

— Не покладаячи-де рукъ работать стану!

Нанекла, настрянала баба всякой всячины, закинула сериѣ на плечо и пошла дѣло дѣлать. Сперва-наперво сѣла да поѣла, потомъ оглянулась, выбрала полосу погуще да повыше, выжала мѣстечко въ свой ростъ, опять поѣла, да и завалилась на ожинѣ спать; проспала до заката, встала, доѣла остатки и пошла домой. Вотъ какъ мужъ вернулся, такъ и сталъ спрашивать жену:

— Много-ли нажала?

— Да такъ цѣлое мѣстечко выжала.

— Ну ладно, сказалъ мужъ, значитъ одна полоса въ сторонѣ.

На другой день Акулина выжала другое мѣстечко и, поѣвши поплотиѣе, опять залегла спать. На третій тоже. На четвертый мужикъ самъ удосужился, и пошелъ жать; пришелъ въ поле, а всѣ его полосы стоятъ петропутья! Глядь поглядь, гдѣ снопы, гдѣ жена? сноповъ не видать, а жена такъ хранитъ, что во всемъ околодѣ слышно. Вотъ мужичекъ нашъ побѣжалъ скорѣе домой, захватилъ ножницы, смолы да пуху, выстригъ сонную бабу подъ гребенку, вымазалъ ей голову смолой, осыпалъ пухомъ и пошелъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, домой. Сколько ни спи, уже когда-нибудь да проснешься. Проспулась Акулина, пошла на ручей нанитъ; пьетъ, а сама въ воду смотритъ и говоритъ: „что это словно не я воду пью? я это али не я? пойти развѣ у кого спросить, а не то лучше вотъ что сдѣлаю: пойду-ка домой,

коли собака наша на меня заласть, такъ стало быть я не я.“ Вотъ и пошла Акуля въ деревню, а деревня пуста, въ ней нѣтъ ни души, всѣ въ полѣ на работѣ; заглянула въ свою избу и спрашиваетъ тихонечко въ окно: „Акулина ваша дома?“ Мужъ смекнулъ въ чемъ дѣло, да и говоритъ: „давно пришла, чего надо?“ Промолчавъ да постоявъ у воротъ, она стала жучку вызывать: „жучесъка, голубушка, постотри-ка ты на меня, я это али не я?“

Послышавъ хозяйкинъ голосъ, жучка вылѣзла, да какъ увидала Акулину, такъ и залаяла благимъ матомъ. Вотъ баба наша со всѣхъ ногъ метнулась изъ деревни въ лѣсъ, бродила тамъ, не шивши не ѣвши, цѣлыя сутки и до сихъ поръ бы ходила, кабы мужъ не сжалился, да не привелъ ее домой. Съ той поры полно дурить, лѣнь съ нея какъ рукой сняло! Пришла старуха свекровь, пріѣ-

хала и родная мать на побывку къ зятю, и
объ старухи диву дались, какая у нихъ дочка
работящая да смышленная стала!

АѦОНЯ ДУРАЧЕКЪ.

Жили-были три брата; двое умныхъ, Кирила да Гаврила, а третій дурачекъ АѦоня. Жили они дружно и хоть старшіе братья меньшаго журили, а бить не били: вѣдь въ дуракѣ и Богъ не волепъ, ума къ кожи не пришьешь; ты стели ему вдоль, а онъ мѣритъ поперекъ; что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все не по-людски, а по-своему, по-дурацкому разуму! Вотъ сидитъ онъ разъ на заваленкѣ, да на своей рожѣ мухъ бьетъ; извѣстно, что на дурака и муха падка. Идетъ сосѣдка, ищетъ ребенка и говоритъ:

— Охъ, охонюшки, не видалъ ли ты, АѦонюшка, моего Васьки?

— Видѣль, говоритъ дуракъ.

— Ахъ ты мой, такой сякой разумный, гдѣ же и когда ты его видѣль?

— А какъ невѣтка его била, говоритъ дуракъ, тогда видѣль!

— Твоя невѣтка моего Васютку била! да за что же это она не него злодѣйка взѣлась?

А вотъ за что, говоритъ, по чужимъ огородамъ не ходи! да каково больно била-то, прибавилъ дуракъ, ажно жалко стало.

— А ты чего смотрѣль, не отняль, приставала сосѣдка.

— Некогда было, невѣтка за веревкой въ клѣть посылала.

— А на что ей понадобилась веревка?

— Ваську вязать.

— Ахъ, батюшки свѣты!

Тутъ дуракъ пенугался, что проговорился, и началъ бабу просить: чтобы она никому не сказывала, какъ невѣтка Ваську била, да на веревку посадила и отвязывать запретила.

— Аюнюшка, золотой мой паренекъ, хочешь рѣдички?

— Не хочу.

— Хочешь огурчиковъ съ кваскомъ?

— Не хочу.

— Хочешь калачика съ медкомъ?

Хочу, сказалъ дуракъ.

— Такъ послужи мнѣ службу, отвязи ты моего Васеньку, да выведи его ко мнѣ.

— Ладно, сказалъ дуракъ, и побѣжалъ въ хлѣвъ.

Долго ли, коротко ли онъ тамъ возился, а вышелъ таки на дворъ, вытянувъ за собой чернаго козла Ваську, да и говорить ео-сѣдѣвъ:

— На возьми, только невѣсткѣ не ска-
зывай.

Разсердилась баба, что попусту время потеряла, чуть-чуть не вцѣпилась Аюню въ волоеа, да благо невѣстка вступилась. Баба

плюнула на дураба и пошла дальше некатъ своего парнишку.

Затѣяли разъ Кирила съ Гаврилой къ празднику пиво варить; сварили, въ бочку слили да въ погребъ бочку спустили. Стала хозяйка пивомъ хвалиться: „Ахъ, кумушка голубушка, какое у насъ къ празднику будетъ пиво, сущее диво: не успѣли въ бочку слить, а оно ужъ бродить и играть стало!“

„Дай-ка, думаетъ Аѳоношка, погляжу я, какъ пиво играетъ, чай въ свайку, въ лампу, аль въ чехарду?“ Пошелъ, поглядѣлъ на бочку и около, пива не видать; нагнулся къ ней и слышитъ, что въ бочкѣ какъ въ ульѣ гудеть. „А-а! такъ вошъ оно какъ играетъ, говоритъ Аѳоня, — знать сердится, что его въ бочку заперли, дай ототѣну затычку, пусть его разгуляется!“ Вотъ присѣлъ нашъ дуракъ къ бочкѣ и ну тянуть гвоздь; бочка покачнулася, пиво всколыхнулось, затычка выскочила, пѣна брызнула и залѣпила глаза дураку;

пока онъ ихъ теръ-протираеть, а пиво все до капли изъ бочки ушло и залило погребницу. Что дѣлать дураку! Взялъ колъ и ну хлестать по пиву, приговаривая: „Вишь, глупое, и на просторъ-то выпустить нельзя, полѣзай назадъ, доколѣ невѣстка не провѣдала!“ Но пиво не слушалось дурака и въ бочку не шло. Разсердился Аюня, забранилъ пиво, захлесталъ его пуще прежняго. На крикъ дурака сбѣжалась братья, увидали бѣду, выгнали дурака изъ погреба; знать, пословица правду говоритъ: „съ дураками пива не сварить, а и сварить, такъ не разошьешь.“ Пуще же всѣхъ осерчала невѣстка: „не хочу съ дуракомъ жить; пусть его въ люди идетъ уму-разуму учиться!“

Вотъ и отдали дурака въ заработки, а на тяжелую работу куда какъ онъ былъ дюжъ! Гаврила съ Кирплой ударили за брата по рукамъ. выговорили ему харчей въ волю, одежду: зипунъ, сапоги, шапку да красный

кушакъ, да по три деньги въ день. Увезли дурака за тридцать верстъ, прожилъ дуракъ тамъ безъ году недѣлю, соскучился по родной печи, по жучкѣ, по братьямъ да по сердитой невѣсткѣ; простился съ хозяевами, обулся, одѣлся и пошелъ во-свои. Вотъ идетъ онъ путемъ-дорогой; летитъ грачъ, кричитъ: „карь, каръ, красны сапоги, красны сапоги“, а Аюонъ показалось, что грачъ кричитъ: „крадены сапоги, крадены сапоги!“ онъ снялъ сапоги, бросилъ ихъ, и пошелъ далѣе. Летитъ синичка, кричитъ: „зинь, зинь, зинь!“ а Аюонъ показалось, что синичка кричитъ: „скинь, скинь, скинь!“ онъ снялъ кафтанъ и бросилъ его на дорогѣ, а самъ пошелъ, необутый, неодевый; погода же стояла куда какая морозная. Вотъ пришелъ домой; первая завидѣла его невѣстка:

— Здорово, братъ Аюоня, что больно налегкѣ пришелъ, — спросила она, — гдѣ одежда?

— На дорогѣ оставилъ.

Что такъ?

— Да вотъ такъ и такъ, — тутъ дуракъ ей все разсказаль.

Баба всплеснула на него руками:

— Эхъ, Аюня, Аюня, на головѣ-то густо, да въ головѣ пусто; тебѣ съ твоимъ умомъ, только пугаломъ въ горохѣ сидѣть!

Пришли братья, посердились на дурака, побранили его, а все-таки накормили и на печь спать уложили.

Досталась Аюнѣ послѣ крестнаго отца корова, скотинка диковинная: съѣдала въ день по кониѣ, а молока давала по ложкѣ. Кирила съ Гаврилой рѣшили чернаву продать. Услыхаль про то дуракъ, накинулъ коровѣ на рога веревку и, не сказавшись братьямъ, повелъ ее продавать. Шель, шель, зашелъ въ лѣсъ, а въ лѣсу стоитъ сухая береза, покачивается да поскрипываетъ. Вотъ, думаетъ дуракъ, знать, это кунаецъ корову торгуетъ; „изволь, — говоритъ, — братъ, дешево отдамъ.“

А береза пуще прежняго по вѣтру закачалась, да заскрипѣла.

„Что, аль денегъ пообождать надо? — спросилъ дуракъ, — изволь обожду до завтра!“
Взялъ корову, привязалъ къ сухому сучку, а самъ пошелъ домой. Дома братья перенюхнулись: „гдѣ корова, гдѣ дуракъ?“ а сосѣди имъ въ отвѣтъ: „Аюня-де пошелъ въ лѣсъ и корову на привязи повелъ.“ Вотъ Гаврила съ Кирилой побѣждали слѣдомъ за дуракомъ и повстрѣчали его на перекресткѣ.

— Гдѣ былъ, куда дѣлъ корову?

— Кто? я? спросилъ дуракъ, въ торгу былъ.

— А корова гдѣ?

— Продалъ.

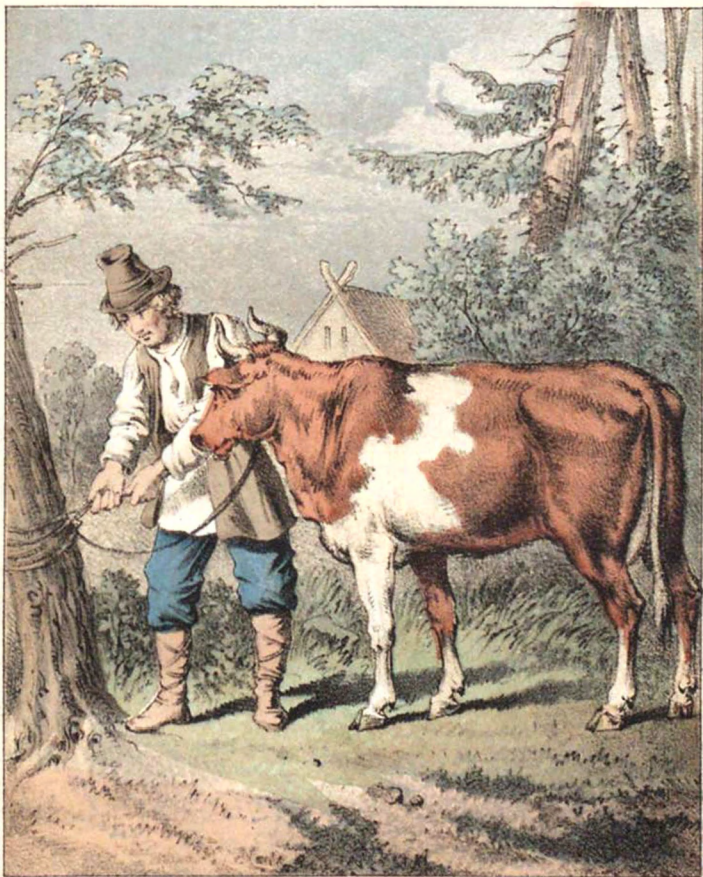
— А деньги гдѣ?

— Маленько пообождать просили.

— Смотри, дуракъ, чтобъ не обманули!

— А это на что? спросилъ Аюня, вытягивая кулачище.

Братья приступили къ нему:

— Кому продалъ, сказывай!

— А я почемъ знаю? земляку продалъ, твердилъ Аюня, и больше отъ него ничего не добились.

На другой день чѣмъ свѣтъ Аюня всталъ и пошелъ въ лѣсъ къ сухой березѣ, а береза все стоитъ да поскрываетъ, коровы же на привязи не видать: должно быть, прохожіе взяли либо волки съѣли.

„Что, землякъ, аль еще обождать? — спросилъ дуракъ, — изволь, такъ и быть, до завтра подожду, а ужъ завтра, смотри на меня не пѣняй!“ Пришло завтра, Аюня чѣмъ свѣтъ собрался, заткнулъ за поясъ топоръ, заасучилъ про запасъ рукава и пошелъ въ лѣсъ, а береза стоитъ, да пуще прежняго раскачивается. „Ну пѣтъ, землякъ, не на такого попалъ,“ сказалъ Аюня, да какъ хватитъ березу топоромъ, разъ, другой, пятый, десятый; дуракъ съ сердцовъ такъ рубитъ, что щены за опушку летятъ. Вдругъ изъ ду-

пла выпала кубышка, а изъ кубышки посыпались серебряныя деньги, а это вишь былъ кладъ. Дуракъ поднялъ кубышку, собралъ деньги и примолвилъ: „Вѣдь говорилъ я тебѣ, землякъ, что шутить съ тобой не стану, кулаковъ не пожалѣю,“ и пошелъ домой. Пришелъ, а братья вскинулись на него: „аль опять безъ денегъ вернулся?“ Тутъ дуракъ съ хохотомъ бросилъ на столъ кубышку: „вотъ,— говоритъ, — вамъ корова, берите!“ Кубышка упала, крышка скатилась, деньги разсыпались. Увидавъ такую пропасть денегъ, братья перещугались: „гдѣ взялъ такое богатство?“ спросили Кприла съ Гаврилой.

— Землякъ даль, отвѣчалъ Аюня.

— За корову ту?

— За корову.

„Ну, знать дуракъ на дурака напалъ,“ подумали братья, собрали деньги и схоронили въ сундукъ, а дураку Аюнѣ купили синій кафтанъ, красный кушакъ, да шляпу съ па-

влинымъ перомъ. Вотъ и щеголяетъ нашъ Аюня по селу, каблуками цотопывая, руками потряхивая, а ребятишки драчуны спереди и сзади бѣгутъ да кричатъ: „вонъ-де нарядилась ворона въ павлиньи перья!“ Аюнѣ то и любо, то и весело, много-де народу, всё его одежду видятъ! Такъ и прожилъ нашъ Аюня, дуракъ дуракомъ, вѣдь на деньги ума не прибуцншь!

КОМАРОВО ГОРЕ.

Сбирался комарикъ
Жениться
Что на той ли на мушкѣ,
На горюшкѣ.
Налетѣли сверчки,
Да расборили;
Ну что-жъ эта, комарикъ,
За невѣста:
Ни ткать, ни прясть
Не горазда;
Она шелкомъ шить
Не умѣетъ.
Полетѣлъ комарочекъ
Во лѣсочекъ,

Сѣлъ комарочекъ
На дубочекъ,
На зеленый ли дубочекъ,
Подъ листочекъ,
Какъ ударился комарикъ
О сырую землю,
Разсыпалися кости
Комаровы.

ЗАЙЧИКЪ.

Гдѣ ты былъ, зайнька,

Гдѣ ты былъ, бѣленькой?

— Въ огородѣ, маме мой,

Въ огородѣ, душа мой,

Зайнька, да бѣленькой!

-- Чтожь тамъ дѣлалъ, зайнька,

Чтожь ты тамъ дѣлалъ, бѣленькой?

Я капусту щипалъ,

Я бѣлую ломалъ.

— Не били ль тебя, зайнька,

Не били ль тебя, бѣленькой?

— Били, били, маме мой,

Били, били, душа мой!

Какъ же ты били, зайнька,

Какъ же ты били, бѣленькой?

Катюша помеломъ,
По бокамъ кулакомъ,
Марѳуша кочергой,
А Дуняша удала
За усйки подрала.

Плакалъ ли ты, зайнѣка,
Плакалъ ли ты, бѣленькой?

Плакалъ, плакалъ, маме мой!
Плакалъ, плакалъ, душа мой!

Какъ же ты плакалъ, зайнѣка?
Какъ же ты плакалъ, бѣленькой?
— Лапками рыльце утиралъ,
За слезами свѣта не видалъ.

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Ходить котикъ по горенкѣ,
Смотрить котя въ оконечко.
Котикъ сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій,
Лапка бархатная.
Поди, котя, въ Торжокъ,
Куни, котя, широжокъ;
Самъ кусочекъ откуси,
А мнѣ цѣлый принеси.
Я тебѣ коту,
За работу заплачу,
Красну шапочку кушлю.

II.

Приходили по коту
Со боярскаго двора:
Приди, котя, почевать,
Малыхъ дѣтокъ утѣшать.
Нашу барышню качать.
Коть-то ворчитъ,
Наша барышня молчитъ.
У коту-коту колыбелька хороша,
А у барышни моей
Есть получше твоей.
Точеная, золоченая,
Крюкъ золотой,
Ремни шелковые,
Колечки, пробойчики
Серебряные.

III.

Спи, дитя, усни,
Угомонъ возьми.

Ходитъ сонъ по сѣпюшкамъ,
А дрема-то по новымъ
Ходитъ сонъ да валится
А дрема-то передъ нимъ.
Сонъ говоритъ,
Дрема спрашиваетъ:
Еще чья-то качалочка
Въ высокомъ терему,
Чья золотая
Въ шитомъ брашномъ пологу?
Въ этой качалочкѣ
Олинъка лежитъ,
Въ этой золотой
Платоновна лежитъ.
Сни, дитя, до утра
До бѣлова дня,
Какъ будетъ пора,
Мы разбудимъ тебя.

IV.

Нянюшки и мамушки, качайте дитя,
Красныя дѣвушки, баюкайте дитя,
Молодыя молодушки, люлюкайте дитя,
Старыя старушки, спать укладывайте.
Сии по ночамъ, да роста по часамъ,
Выростишь велика, станешь въ золотѣ ходить,
Нянюшекъ, мамушекъ обносками дарить,
Краснымъ дѣвушкамъ по ленточкѣ,
Молодымъ молодушкамъ на повойничку,
Старымъ старушкамъ на повязочкѣ.

БОЛЬНОЙ ВОРОБЕЙ.

— Дома ль, кумь, воробей? —

„Дома.“

— Что онъ дѣлаетъ? —

„Болезнь лежитъ,“

— Что у него болитъ? —

„Плечики.“

Сходи, кума, въ огородъ, —

Сорви травы гречки,

Попарь ему плечки!

Парила, кумушка,

Парила, голубушка,

Его парь не береть,

Только сердца придаеть.

— Дома ль, кумь, воробей? —

„Дома.“

— Что опъ дѣлаеть? —

„Боленъ лежитъ.“

— Что у него болитъ? —

„Животокъ.“

Сходи, кума, въ огородъ, —

Сорви травки рутэзъ,

Понарь ему животокъ.

Парила, кумушка,

Парила, голубушка,

Его паръ не беретъ,

Только сердца придаеть.

— Дума ль, кумъ, воробей? —

„Дома.“

— Что опъ дѣлаеть? —

„Боленъ лежитъ.“

— Что у него болитъ? —

„Пяточки.“

Сходи, кума, въ огородъ, —

Сорви травы мяточки,

Припарь ему пяточки,

Парцла, кумушка,
Парцла, голубушна,
Его парь не беретъ,
Только сердца придасть.

ГОСТЬЯ.

Городомъ я шла зарею,
Ко бору пришла тучею,
Ударила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама я поплыла уткою.
На крыльцо я взошла павою,
Во новыя ворота лебедкою,
Во высокъ теремъ дѣвушкой.

КОЗЕЛЪ ХВАСТУНЪ.

Какъ у бабушки козелъ,
У старой бабы сѣдой.
Тиру-ка нука, тили-ли,
Тилилюшеньки мои!
Онъ на шесточкѣ лежалъ,
Судомончку лизалъ.
Отпросился козелъ
На часокъ во лѣсокъ.
Ахъ ты, бабушка,
Ты, Варварушка,
Отпусти-ка ты козла.
Я поймаю тебѣ
Волка сѣренькаго,
Лису желтенькую,

А волчицу на канотъ,
А лисицу на салотъ.
Какъ на ветрѣчу козлу.
Идутъ семь волковъ,
Осьмой-отъ волкъ,
Подобрѣлый бокъ:
Онъ семь лѣтъ говѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.
Испугался козель,
Испугался едой;
Онъ бородочкою трясеть.
Точно вѣничкомъ,
Онъ ножками стучитъ.
Словно ступочками,
Ахъ ты, бабушка,
Ты, Варварушка,
Отвори-ка ворота,
Принимай-ка козла!

ДОМОВНИЦА.

Курочка по сѣпюшкамъ
Похаживаетъ, поговариваетъ.
Еще какъ да кудакъ
Не бывало въ домѣ такъ.
Гдѣ хозяйшка гуляетъ?
Въ печи кашнички горшечки
Всѣ надеѣлись кинучи;
На привязочкѣ теля
Удавилось ревя;
Въ колыбелничкѣ дитя
Надорвалось воня.
Ушла наша хозяйшка
Въ три поля гулять,
Во первое въ яровое,

Во другое во ржаное,
А въ третье поле въ конопляхъ.
Въ конопляхъ-то воробьи.
Воробей ты полоротъ,
Не кричи во весь народъ.
Мой батюшка у воротъ
Зоветь меня въ огородъ,
Чесноку, луку полоть,
Луку сѣянаго,
Маку вѣянаго.
Я нарву-то луку въ руку,
Во другую чесноку,
Помираю со смѣху
На Романову сноху,
У Романовой снохи
Сарафаны хороши,
На полахъ-то галуны
На поднольяхъ шабоны *).
Что на улицѣ шумять,

---

*) Лохмотья.

Сарафанъ бабы дѣлятъ:
Кому клинъ, кому стапъ,
Кому весь сарафанъ,
Кому пуговики литыя,
Кому петельки витыя,
А боярамъ господамъ
На ушочки къ сапогамъ.
Поповымъ дочерямъ,
На подвязочки къ чулкамъ.

ПЕРЕПОЛОХЪ.

Ходитъ курочка,
Съ ножки на ножку постукиваетъ,
Лапками постукиваетъ.
Поповы-то дѣти
Горохъ молотили,
Цѣны перебили,
За тынъ побросали
Въ курицу попали;
А изъ курицы перо,
Да подъ Захарово село.
Захаръ съ мѣшкомъ,
Жена съ горшкомъ,
Малы дѣтки, соколятки
Съ уполовничками.

Гори, гори жарко,
Їдетъ Захарка,
Самъ на лошаdkѣ.
Жена на коровкѣ,
Дѣтки на теляткахъ,
А слуги на собакахъ,
А въ Захаровомъ селѣ
Собаки на привязи потявкнвають,
Медвѣдъ на цѣпи порявкнваеть.

СГОВОРЪ СОВЫ.

Сова ль моя, совушка,
Вдова ль моя, вдовушка,
Залѣсная барыня,
Ульяна Степановна,
Гдѣ же ты жила,
Гдѣ же ты бывала?
Жила я, совушка,
Бывала я, вдовушка,
Во темныхъ лѣсницахъ,
Во сырыхъ дуплицахъ.
Знаютъ меня, совушку,
Знаютъ меня, вдовушку,
Два луна бѣлыхъ,
Два друга милыхъ.

Стали сову сватать,
Сватовъ засылать,
Сову убирать,
Въ лапти обувати,
Въ лапти, въ ошметки,
Въ онучи, отрешки,
Въ плагы рогожное,
Въ ожерелье гороховое.
Воронъ былъ поваромъ,
Сорока стряпухой.
По дворамъ летали,
Куры собирали,
На свадьбу сзывали:
Куры, вы дуры,
Жалуйте на свадьбу;
У насъ нынче праздникъ,
Праздникъ Вознесенье,
Большое веселье,
Сову замужь отдаемъ
За бѣлаго луця,
За милаго друга.

У нашего луя,
У нашего бѣлаго
Сорокъ бадушекъ
Соленыхъ лягушекъ,
Сорокъ амбаровъ
Сухихъ таракановъ,
Пятьдесятъ поросятъ,
Только пожки всячь.

—

ДѢВКА СЕМИЛѢТКА.

Какъ по мосту, по мосточку,
Шла дѣвка семилѣтка,
За дѣвушкой слышь купецкой:
— Пстой, дѣвка семилѣтка,
Загадаю три загадки,
Изволь, дѣвка, отгадати:
А что растеть безъ кореньевъ,
А что цвѣтеть безъ алаго цвѣту,
А что шумить безъ буйнаго вѣтру?
„Растеть камень безъ бореньевъ,
Шумить вода безъ буйнаго вѣтру,
Цвѣтеть сосна безъ алаго цвѣту.“

ПОСЛУШНАЯ ЖЕНА.

Заставилъ меня мужъ-господинъ
Баню-банюшку топить,
А я, ходя, баю, баю,
Будто банюшку топлю.
Заставилъ меня мужъ-господинъ
Вѣникъ-вѣничекъ вязать,
А я, ходя, вѣю, вѣю,
Будто вѣничекъ вяжу.
Заставилъ меня мужъ-господинъ
Щелокъ щелочить,
А я, ходя, щолкъ, щолкъ!
Будто щелокъ щелочу.
Заставилъ меня мужъ-господинъ
Шаскъ-шасчекъ пскать,
А я, ходя, шарю, шарю,
Будто шасчекъ пщу.

Первинка другая.

8

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Дождикъ, дождикъ,
На дѣдову пашеньку,
На бабинъ ленъ,
На барскій хмѣль,
На нашъ ячень,
Поливай весь день!
На Иванову рожь
Поливай какъ хошь.

ТОРГЪ.

Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный рядъ гу-
лять,

Купимъ-ка, жонушка, курочку;
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный рядъ гу-
лять,

Купимъ-ка, жонушка, уточку;
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный рядъ гу-
лять,

Купимъ-ка, жонушка, гусыньку;
 Гусынька: га, га, га, га!
 Уточка съ носка плоска,
 Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
 Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
 Поѣдемъ, разланушка, въ гостиный рядъ гу-
 лять,

Купимъ-ка, жопужка, индюшечку;
 Индюшечка: шулды-булды,
 Гусынька: га, га, га, га!
 Уточка съ носка плоска,
 Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
 Давай-ка-мы, жонушка, домокъ наживать,
 Поѣдемъ, разланушка, въ гостиный рядъ гу-
 лять,

Купимъ-ка, жопушка, барашка;
 Барашекъ-то: шатры-матры,
 Индюшечка: шулды-булды,
 Гусынька: га, га, га, га!
 Уточка съ носка плоска,
 Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!

Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживатьъ,
 Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гу-
 лять,

Купимъ-ка, жопушка, козыньку;
 Козынька-то: прыгъ, прыгъ,
 Барашекъ-то: шатры-матры,
 Индюшечка: шулды-будды,
 Гусынька: га, га, га, га!
 Уточка съ носка плоска,
 Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
 Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживатьъ,
 Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гу-
 лять,

Купимъ-ка, жонушка, коровку;
 Коровка-то: мыкъ, мыкъ,
 А козынька: прыгъ, прыгъ,
 Барашекъ-то: шатры-матры,
 Индюшечка: шулды-будды,
 Гусынька: га, га, га, га!
 Уточка съ носка плоска,
 Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!

Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостинный рядъ гу-
лять,

Купимъ-ка, жонушка, лошадку;

Лошадка-то: ги, ги, го, го!

Коровушка-то: мыкъ, мыкъ,

Козынька-то: прыгъ, прыгъ,

Барашекъ-то: шатры-матры,

Индюшечка: шулды-булды,

Гусынька: га, га, га, га!

Уточка съ носка плоска,

Куручка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!

ПЕРЕКОРЫ.

На рѣчкѣ, на рѣчкѣ,
Дѣвка платѣ мыла,
Звонко колотила,
На-сухо крутила,
На березѣ клала,
Тамъ и шелъ дѣтина:
— Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платѣ мыти,
Звонко колотити,
На-сухо крутити,
На березу класти!—
Дѣвушка спѣсива,
Не дала спасибо,
Дружкомъ не назвала.
— Душечка дѣвица,
Сшей-ка мнѣ рубашку,

Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши!—
„Душечка молодчикъ,
Выстрой теремочекъ,
Безо мху, безъ лѣсу,
Безо бѣлова тесу!“
— Душечка дѣвица,
Набери мнѣ ягодъ
Зимой объ Крещенье,
А лѣтомъ объ Вознесенье! —
„Душечка молодчикъ,
Сшей-ка мнѣ бапмачки
Со желтаго песочку!“
— Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы!—
„Душечка молодчикъ,
Слей-ка перстенечекъ
Съ краснова солнца.
Гдѣ-бъ я ни ходила,
Все бы я свѣтила.“

ЩЕГОЛИХА.

На печки сижу, заплатки плачу,
Заплатки плачу, приплачиваю;
Я мужа журю, побираю.
Продай, мужъ, лошадку съ коровушкою,
Купи женѣ шубку камчатенькую,
Купи женѣ сережки алмазовыя,
Купи ожерелье, жемчужный борокъ.
Я въ шубку сряжусь, къ обѣднѣ пойду!
Послушался мужъ, снарядилъ жену,
Совеѣмъ снарядилъ и къ обѣднѣ пустилъ.
А люди глядятъ: чья така? чья така?
А идетъ вѣдь это Селифанова жена!
А идетъ она, какъ пава плыветъ,
Въ церкви стоитъ, какъ свѣчка горитъ;

Рѣчь заговорить, какъ лебедь кричитъ!
Пришла ко двору въ нетоплену избу,
Сѣла на припечекъ, на задорожку,
А мужъ идетъ, хомутъ волочетъ!
А путка, жена, раздѣвайся-ка!
Впрягайся сама, да въ лѣсъ по дрова!
Заѣхалъ въ цѣликъ, накласть возъ великъ,
Подъ гору ѣдетъ, присвистываетъ,
На гору ѣдетъ, прихлестываетъ,
По деревнѣ ѣдетъ, народу кричитъ:
„Глядите, ребята, лошадка хороша!“
Оглянулась назадъ, а народъ наверху
Помираетъ со смѣху на Селифанову жену.
Не то мнѣ вѣдосаду, что возъ великъ,
А то вѣдосаду, что мужъ самъ сидитъ
И присвистываетъ, и прихлестываетъ:
А ну, ну, шубка камчатненъкая,
Везите, сережки алмазовыя,
Тяните, ожерелье жемчужный борокъ.
Купи, мужъ, лошадеу съ коровушкою:

Пусть наша лошадка по плашкѣ возитъ,
По плашкѣ возитъ, да избѹ топитъ;
Пусть наша коровка по ложкѣ донтъ,
По ложкѣ донтъ, да щипки бѣлитъ.

ИГРЫ ХОРОВОДНЫЯ.

П Р О С О.

Самая старинная игра, извѣстная на всей Русси; прииѣвъ ея: „Дидъ Ладо“ относится къ отдаленной древности, даже къ языческимъ временамъ славянства, равно какъ и прииѣвы нѣкоторыхъ другихъ: „люли, люшеньки люли, лиле, усень, авсень, таусень.“ Играющіе дѣлятся на двѣ половины и, взявшись за руки, становятся на двѣ вереницы другъ противъ друга, на разстояніи двадцати или тридцати шаговъ; потомъ одна изъ вереницъ, мѣрно подходя къ другой, протяжно запѣваетъ:

1-я вереница.

А мы просо сѣяли, сѣяли.

Ой Дидь Ладо, сѣяли, сѣяли!

Дошѣвая припѣвъ, вереница эта отступаетъ задомъ, не оборачиваясь на свое мѣсто; тогда вторая вереница подходитъ къ первой, запѣвая:

2-я вереница.

А мы просо вытончемъ, вытончемъ,

Ой Дидь Ладо, вытончемъ, вытончемъ!

и пропѣвъ это, отходитъ подобно первой на свое мѣсто.

Первая же опять идетъ запѣвая:

1-я вереница.

А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,

Ой Дидь Ладо, вытоптать, вытоптать!

Пропѣвъ это отходитъ; тогда вторая вереница идетъ запѣвая:

2-я вереница.

А мы коней выпустимъ, выпустимъ,

Ой Дидь Ладо, выпустимъ, выпустимъ!

Вся игра эта заключается въ томъ, что играющія вереницы поочередно, подходя другъ къ другу, заявляютъ свои угрозы и оканчиваютъ мировою. Пѣсня продолжается такъ:

1-я вереница.

А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидъ Ладо, переймемъ, переймемъ!

2-я вереница.

А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ и проч.

1-я вереница.

Шелковымъ поясомъ, поясомъ!
Ой Дидъ и проч.

2-я вереница.

А мы коней выкупимъ, выкупимъ!
Ой Дидъ и проч.

1-я вереница.

А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ и проч.

2-я вереница.

А мы дадимъ вереницу, вереницу! *)

Ой Дидъ и проч.

1-я вереница.

Не надо намъ вереницы, вереницы!

Ой Дидъ и проч.

2-я вереница.

А что же вамъ надо, надобно?

Ой Дидъ и проч.

1-я вереница.

А дайте намъ дѣвицу, дѣвицу!

Ой Дидъ и проч.

Вторая подходя уступаетъ дѣвушку, а сама пость:

Вотъ вамъ дѣвица, дѣвица!

Ой Дидъ и проч.

*) Вереница встарину, какъ куница и другіе мѣха, замѣняла деньги; это повидному векша либо горностай, по крайности она равнялась нмъ по ходячей цѣнѣ.

Первая вереница поетъ:

А нашего полку прибыло, прибыло!

Ой Дидь и проч.

2-я вереница.

А нашего полку убыло, убыло!

Ой Дидь и проч.

Иногда игра оканчивается на первой дѣвущкѣ, иногда же продолжается до тѣхъ поръ, пока вся вторая вереница не перейдетъ въ первую.

М А К Ъ.

Играющіе становятся въ кружокъ, выбираютъ кого нибудь изъ среды себя макомъ, ставятъ его посередкѣ, что и называется — макомъ сидѣть, а сами, взявшись за руки, начинаютъ водить хороводъ, то-есть ходить кругомъ и пѣть:

Ай на горѣ макъ, макъ,
А подъ горою такъ, такъ,
Ай маки, маки, маковицы,
Золотыя головыцы!
Станемъ мы въ рядъ,
Спросимъ про макъ.

Пропѣвъ это, останавливаются и спрашиваютъ у того, кто стоитъ посередкѣ:

Первинка другая.

Взошелъ ли макъ?

Макъ отвѣчаетъ имъ:

Всходитъ.

Тогда хороводъ опять идетъ вокругъ и запѣваетъ:

Ай на горѣ макъ, макъ и проч.;
пропѣвъ до конца, останавливаются и спрашиваютъ:

Цвѣтетъ ли макъ?

Макъ отвѣчаетъ:

Зацвѣлъ.

Хороводъ опять начинаетъ кружить и пѣть то же, потомъ, остановясь, спрашиваетъ:

Поспѣлъ ли макъ?

Макъ имъ отвѣчаетъ:

Поспѣваетъ.

Тогда хороводъ начинаетъ ходить и пѣть:

Золотой нашъ макъ!

Въ полугорьи макъ,

Въ косогорьи макъ,

Маки маковницы,

Золотыя головки!
Станемте мы въ рядъ,
Спросимте про макъ.

Остановясь спрашиваетъ: „поспѣлъ ли макъ?“
А онъ имъ отвѣчаетъ: „поспѣлъ, идите трясти!“ Сказавъ это, бросается вонъ изъ хорова, всѣ играющіе бѣгутъ за нимъ, ловятъ его, и если поймаютъ, то обходятся какъ съ настоящимъ спѣлымъ макомъ: гнутъ, трясутъ, нагибаютъ, макъ старается какъ-нибудь вывернуться, стбится и убѣжать; наконецъ взерошенный макъ убѣгаетъ, а играющіе хохочутъ ему въ слѣдъ.

СЕЛЕЗЕНЬ.

Играющіе выбираютъ кого-нибудь въ селезнь; селезень, корчась и пожимаясь словно отъ холоду, садится на травку, а хороводъ начинаетъ, ходя вокругъ него, пѣть:

Подъ берегомъ селезень,
Подъ крутымъ селезень,
Выйди, выйди, селезень,
Выдь, хохлатый селезень:

Хороводъ, останавливаясь, спрашиваетъ:

Студено-ль тебѣ, селезень?

Селезень, поднявшись съ травы, поетъ:

Мнѣ не то тепло,
Мнѣ не то студено,
Мнѣ не то одному.

Хороводъ, выслушавъ селезня, начинаетъ кружить, пѣть, снимать съ себя разную одежду, прищѣвая:

Приодѣнься, селезень;
Вотъ со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ,
Со старой бабы шлыкъ,
Съ малаго дитяти пеленка,
Съ мужика бурлака
Полъ-кораблика,
Съ сѣрой утицы
Сизой пухъ.

Селезень хватаетъ все палету и каждую вещь надѣваетъ на себя; когда же пѣснь оканчивается, то онъ вдругъ вырывается изъ хоровода, унося кинутые ему платки, ожерелья и проч.; всѣ бѣгутъ за нимъ въ погоню, ловятъ и отбираютъ свое, тѣмъ игра и оканчивается.

П И В О.

Хороводъ собирается варить пиво; берутся за руки и поютъ:

Ай на горѣ варили мы пиво;

Ладо *) мое, ладо, пиво варили!

Мы съ этого пива все въ кругъ сойдемся,

Ладо мое, ладо, все въ кругъ сойдемся.

При послѣднихъ словахъ, на разнимаю руку, сходятся въ тѣсный кружокъ и поютъ:

Ай на горѣ варили мы пиво,

Ладо мое, ладо, пиво варили!

Мы съ этого пива все разоидемся;

Ладо мое, ладо, все разоидемся!

---

*) Ладо встарину было славянское божество, а нынѣ слово «ладо» пришѣвъ и ласка.

Хороводъ, расходясь изъ тѣсной кучи въ
широкій кругъ, поетъ:

Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива все мы посядемъ,
Ладо мое, ладо, все посядемъ!

Хороводъ, не разнимая рукъ, садится на
землю и поетъ:

Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо мое, ладо, пиво варили!
И съ этого пива все мы повстанемъ!
Ладо мое, ладо, все мы повстанемъ!

Встаютъ, ходятъ хороводомъ и поютъ:

Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Съ этого пива въ ладоши ударимъ,
Ладо мое, ладо, въ ладоши ударимъ!

Хороводъ бьетъ въ ладоши и продолжаетъ
ходить и пѣть:

Ай на горѣ варили мы пиво,
Ладо мое, ладо, пиво варили!

Мы съ этого пива всѣ подеремся,
Ладо мое, ладо, всѣ подеремся!
Хороводъ въ шутку ссорится, потомъ идетъ

и поеть:

Ай на горѣ варили мы пиво,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
И съ этого пива мы всѣ помиримся,
Ладо мое, ладо, мы всѣ помиримся!
Противъ это, игроки обнимаются и начи-
наютъ другую игру.

ЗАЙЧИКЪ.

Выбираютъ зайчика и обступаютъ его хоро-
водомъ; зайчикъ все время пляшетъ, погля-
дывая, какъ бы выпрыгнуть изъ круга, а
хороводъ ходитъ вокругъ, нацѣвая:

Зайнька, попляши,
Сѣренькій, поскачи,
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Зайнька, въ ладоши,
Сѣренькій, въ ладоши,
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Здѣсь города все нѣмецкіе,
Закрѣпочки желѣзныя.

Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть сѣрому куда выскочить,
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!

При этомъ нѣкоторые изъ играющихъ ослабляютъ руки, указывая, откуда зайчикъ можетъ прорваться. Зайчикъ припадаетъ къ землѣ, высматриваетъ мѣсто, откуда выскочить, и прорвавшись тамъ, гдѣ не ждали, убѣгаетъ.

ВОРОБЫШЕКЪ.

Играющіе выбираютъ изъ себя воробья, ставятъ его среди хоровода; онъ приплясываетъ и попрыгиваетъ по-воробьиному, а хороводъ начинаетъ кружить и пѣть:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ дѣвицы ходятъ?

Пропѣвъ это, хороводъ останавливается, а воробей, передразнивая мѣрную, плавную походку дѣвушекъ, поетъ:

Онѣ такъ, онѣ сякъ,
Онѣ этакъ, и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.

Послѣ воробьева отвѣта, хороводъ идетъ и поетъ:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ молодцы ходятъ?

Воробей избочась, сдвинувъ шапку на-бокъ,
молодецки похаживая и поглядывая, поетъ:

Они такъ, они сякъ,
Они этакъ и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ голубушки сидятъ!

Затѣмъ хороводъ поетъ:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ старушки ходятъ?

Воробей беретъ палочку и тихонько бредетъ
посреди хоровода, припѣвая:

Онѣ такъ, онѣ сякъ,
Онѣ этакъ и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ молодушки сидятъ!

Хороводъ зацѣваетъ:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ богатые ходятъ?

Воробей гордо надѣваетъ шапку, закидываетъ голову назадъ, идетъ ни на кого не глядя и никому не кланяясь, при томъ поетъ:

Они такъ, они сякъ,
Они этакъ и вотъ такъ,
Ни на право глядь, ни налѣво глядь,
Печа шапку ломать.

Хороводъ опять кружить и поетъ:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ злые люди ходятъ?

Воробей хмурится, ежится и ходитъ, поглядывая исподлобья:

Вотъ и такъ, вотъ и сякъ,
Вотъ и этакъ и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ добрые люди сидятъ.

ПЛЕТЕНЬ.

Играющіе, взявшись за руки, становятся вереницею; двое изъ крайнихъ поднимаютъ дуги воротами, а вся вереница съ запѣвалою во главѣ проходятъ въ тѣ ворота, напѣвая:

Заплетися, плетень, заплетися;

Ты завейся, труба золотая,

Завернися, камка шелковая!

Такъ проходятъ всѣ, даже и вторая съ краю, которая держала ворота; она, не разнимая рукъ, вывертывается такъ, что правая рука самаго крайняго ложится на ея лѣвое плечо, она же подымаетъ свою правую руку и держитъ повья ворота со слѣдующею сосѣдкою. Вотъ когда такимъ образомъ начало плетня

сдѣлано, то запѣвало продолжаетъ пѣть и плести плетень, ныряя въ ворота:

Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла.

Тига, утушка, домой!

Тига, сѣрая, домой!

Я сама гуськомъ,

Сама сѣренькимъ,

Ой свѣтъ, сѣра утица!

Потопила малыхъ дѣтушекъ,

Во меду да во патоку,

Да во яствѣ сахарномъ,

Да въ питѣ медвяномъ.

Я старымъ старикомъ

Киселя съ молокомъ;

Молодымъ молодкамъ

Шелковую плетку;

А краснымъ дѣвушкамъ

Бѣлицъ да румянь.

Если пѣсня кончена, а плетень еще не доплетень, то начинаютъ пѣть съ начала и поютъ до тѣхъ поръ, пока рука передослѣд-

пей ляжетъ на плечо заплѣвалы; тогда начинаютъ расплетать плетень и пѣть:

Расплетися, плетень, расплетися;
при чемъ заплѣвало, не выпуская руки сосѣдки, вывертывается на другую сторону, и такимъ образомъ плетень начинаетъ расплетаться подъ пѣсеню:

Ты развейся, труба, золотая,
Ты развернися, камка шелковая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига, утушка, домой!
Тига, сѣрая, домой!
Я сама гуськомъ, гуськомъ,
Сама сѣренькимъ,
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ,
Изъ меду, изъ патоки,
Изъ яствъ сахарныхъ,
Изъ питья медвянаго.

Пѣсеню эту поютъ до тѣхъ поръ, пока не расплетется весь плетень до конца.

П О С Л О В И Ц Ы .

П Р А В Д А .

На правду мало словъ: либо да, либо нѣтъ.
Дороги твои сорокъ соболей, а на правду
и цѣны нѣтъ.

Неправдой жить не хочется, правдой жить
не можется.

Не ищи правды въ другихъ, коли ея въ
тебѣ пѣтъ.

Какъ ни хитри, а правды не перехитришь.
И Мамай правды не съѣлъ.

Все минется, одна правда останется.

Хороша святая правда, да въ люди не годится.

Съ правдой шутить, что съ огнемъ.

Не во всякомъ камнѣ искра, не во всякомъ мужѣ правда.

ВРАНЬЕ.

Онъ развѣ только невзначай правду молвить.

Ину пору проврется, такъ и правду скажетъ.

Слушать его можно, а вѣрить нельзя.

Вчера солгалъ, а сегодня лгуномъ обзываютъ.

Столько правды, какъ въ рѣшетѣ воды.

Что ступить, то совреть.

Вреть — и глазомъ не смигнетъ.

Лгать не устать, было бъ кому слушать.

Такъ вреть, что ни себѣ, ни людямъ пердышки не дастъ.

Не спорь, молчи, разсердишь — бруче перевру.

Что больше вретъ, то пуще развирается.
Вралъ много, а чай больше того осталось.
Такъ вретъ, что не перелѣзешь.

Люди врутъ, навираются; нашъ вретъ, не
наврется.

Всѣхъ вруновъ не переврешь.

СТРАХЪ.

У нашего Трошки задрожали ножки.
Трясется, какъ листъ на осинѣ.
Сердце екнуло, душа въ пятки ушла.
Хорошо медвѣдя въ окно дразнить.

РАЗДУМЬЕ.

Думалъ было дать, да раздумалъ опять.
Ни вонъ, ни въ избу; ни со двора, ни на
дворъ.

ПОХВАЛБА.

Честь да мѣсто, садись да хвастай.

Хвались, де не поперхнись.

Овсяная каша хвалилась, будто съ масломъ
родилась.

Самъ поеть, самъ слушаетъ, самъ и хвалить.

Лучше умная хула, чѣмъ дурацкая похвала.

Пришла свинья къ коню и говоритъ: и ноги-
де кривы, и шерсть нехороша.

ПРИЧУДА.

Здѣсь не сижу, дома не хочу, понесли меня
къ намъ.

Угорѣла барыня въ нетопленной горницѣ.

Скажи, да укажи, да въ ротъ положи.

Дали голодной Маланьѣ оладьи, а она го-
ворить: испечены неладно.

Даютъ холстъ, такъ толстъ, дали хлѣбъ,
такъ не вѣянъ.

ТОЛКЪ И БЕЗТОЛОЧЪ.

Ни складу, ни ладу, ни толку.

Въ рѣшетѣ воду носятъ, ведрами вѣтеръ мѣритъ.

Я про сапоги, а онъ про пироги.

Кто въ лѣсъ, кто по дрова, кто рубль, кто полтора.

Здорово, кума? „Да на рынокѣ была!“

Не какъ глуха? „Купила пѣтуха.“

Прощай, кума! „Пять алтынъ дала.“

Ходилъ ни по что, принесъ ничего.

Иди туда, невѣдомо куда, ищи того, невѣдомо чего.

Пришла кума, такъ сядь; а почто пришла? „да такъ.“

Толкъ этотъ есть, да не втолканъ весь.

У М Ъ.

Умная голова сто головъ кормить, а глупая и себя не прокормить.

Немного думаль, да ладно молвилъ.

Умную рѣчь хорошо и слушать.

Голова безъ ума, что фонарь безъ свѣчи.

Умъ сяжкомъ подъ небеса уходитъ (сягать доставать).

ГЛУПОСТЬ.

Голова съ лукошко, а мозгу ни крошки.

На головѣ густо, а въ головѣ пусто.

Онъ безъ спотычки пяти пальцевъ не сочтетъ.

Разошелся умъ по закоулкамъ, а въ середкѣ
ничего не осталось.

„Да ты бы напередъ подумалъ“. Пробовалъ,
братецъ, да хуже.

Спереди дуракъ, да и сзади такъ.

Радъ дуракъ, что дыра на боку.

Чужой дуракъ — смѣхъ, а свой дуракъ —
стыдъ.

ЖАДНОСТЪ.

Съѣсть не могу, а покинуть жалъ.

Всего добра не переѣшь.

Назаръ все одинъ слизалъ.

Въ чужихъ рукахъ пирогъ великъ, а какъ
намъ достанется, малъ покажется.

УДАЧА.

Удастся — бражка, не удастся — кvasокъ.

И наугадъ, да въ попадъ.

И нехитро, да больно кстати.

Два ерша въ одну вершу.

Людямъ тынъ да помѣха, а ему смѣхъ да
потѣха.

Кому того-сего, а кому и ничего.

НЕУДАЧА.

Мѣтилъ въ вѣрону, да попалъ въ корову
По усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Была у двора масляница, и въ избу не
зашла.

Ни то ни се клевало, да и то сорвалось.

ТРУДЪ.

Трудъ челоуѣка кормитъ, а лѣнь портитъ.
Безъ дѣла жить, только небо коптить.
Богу молись, а самъ трудись.

Л Ы Н Ы.

Лежа не работаютъ.

Хочешь ѣсть калачи, такъ не сиди на печи.
Пилось бы да ѣлось, да работа на умъ не
шла.

Господи, Господи, до обѣда проспали, встали
да обѣдать стали, наѣлись, помолились, да
опять спать повалились.

Сонливый да лѣнивый два родные брата.

Проглотить-то хочется, да прожевать лѣнь.

Семеро одну соломинку поднимаютъ.

Лѣнивому всегда праздникъ.

БОГАТСТВО.

Богатому все праздникъ.

Богатство сиѣен съ родни.

У него денегъ и буры не блюють.

Стоить крикнуть да денежкой брякнуть—
все будеть.

Хорошо тому щеголять, у кого денежки
гремятъ.

У богатаго все сладко, все гладко.

Какъ сыръ въ маслѣ катается.

Одна рука въ меду, другая въ патокаѣ.

Только ума на деньги не купишь.

Не мудра голова, да кубышка полна.

БѢДНОСТЬ.

Тарасъ ѣсть пряники гораздъ, а Филать и кашѣ радъ.

Съ корочки на корочку перебивается.

У кого густо, а у насъ пусто.

На печи въ рѣшетѣ три засушенки.

Три кола вбито, да небомъ покрыто.

Ни коня, ни возу, ни того, что на возъ положить.

Стужа да нужда — нѣтъ ихъ хуже, голодъ да холодъ — нелегче того.

Съ сумой идти стыдно, а сидѣть дома тошно.

Кто нужды не знавалъ, до-сыта Богу не маливался.

ЧУЖОЕ.

Что поднялъ, то не отъ земли выросло.
Лучше свое отдать, нежели чужое взять.
За чужимъ добромъ не гоңайся съ багромъ.
Что въ другомъ не любо, того и самъ не
дѣлай.

Знай, кошка, свое лукошко.
На чужой совѣтъ до зова не ходи.
Братъ сестрѣ не указъ въ стряпнѣ.

ОБИДА.

Обиженнаго обижать — двойной грѣхъ.
Гдѣ наболѣло, тамъ не тронь.
И безъ перца дойдетъ до сердца.
Кто бога смогъ, тотъ того и съ ногъ.

ССОРА.

Съ нимъ натошакъ не стоворишь.
Ты ему слово, а онъ тебѣ десять.
Спорить споръ, а браниться грѣхъ.
Не прямота бранится, а задоръ.
Браниться бранись, а на миръ слово по-
кидай.

Ссора до добра не доведеть.
Дракою правъ не будешь.
Лады, что у кошки съ собакою.
Одинъ рычитъ да лаетъ, другая мурлы-
читъ да фыркаеть.

ДОБРО.

Доброму дѣлу не кайся.

Лучше быть въ обидѣ, чѣмъ обидчикомъ.

Своего спасба не жалѣй, чужаго не жди.

Дружбу помни, а зло забывай.

Человѣкъ жалю живеть (любить и жалеть).

Доброму, челоуку и чужая болѣзнь къ сердцу.

Никто не сможетъ, такъ Богъ поможетъ.

Доброму Богъ помогаетъ.

З Л О.

Сердце яро, мѣсто мало, расходиться негдѣ.
Глядитъ, ровно семерыхъ проглотилъ, ось-
мымъ поперхнулся.

На что ни взглянетъ, все вянетъ.

Гдѣ ногой ступить, трава не растеть.

Самъ съ воробья, а сердце съ кошку.

Такое сердце взяло, что самъ бы себѣ 'языкъ
прикусилъ.

ШУТКА, СМѢХЪ.

За шутку не сердись, а въ обиду не вдавись.

Умѣй шутить, умѣй и отшучиваться.

Шутку любишь надъ Ѳомой, такъ люби и надъ собой.

Шутилъ Мартынъ, да спрятался подъ тыгъ.

Иной смѣхъ плачемъ отзывается.

Нѣтъ лучше шутки, какъ надъ собой (пикому необидна).

ТЕРПѢНЬЕ.

Терпи, казакъ, атамапомъ будешъ.

Терпѣнье и трудъ все перетрутъ.

Капля камень долбитъ.

Чей чередъ, тотъ и беретъ.

Когда будетъ рожь, тогда и мѣра.

УЧЕНЬЕ.

Наука не пиво, въ ротъ не волеешь.

Учился читать да писать, а выучился
пѣть да плясать.

Не учась и лаптя не слетешь.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Красна птица перьемъ, а человекъ ученъ-
емъ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Руки работаютъ, а голова кормить.

Память въ тѣлѣ, мысль во лбу, а хотѣнье
въ сердцѣ.

Человѣкъ бы человѣкомъ, да облика Гос-
подня въ немъ не стало.

Великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.

Людей-то много, да человѣка нѣтъ.

Семь въ тебѣ душъ, да ни въ одной пути
нѣтъ (двуличность, неправдивость).

Какъ нѣтъ души, такъ что хошь пиши.

Рѣчи слышимъ, а сердца не видимъ.

Совѣсть съ молоточкомъ: и пастукиваетъ,
и наслушивается.

У него совѣсть дырявое рѣшето.
Рожа негожа, да душа пригожа.
На красиваго глядѣть хорошо, съ умнымъ
жить легко.

Не вѣрь рѣчамъ, вѣрь своимъ очамъ.
Не глаза видятъ, а человѣкъ; не ухо слы-
шитъ, а душа.

РАЗНОЕ.

По Сенькѣ шапка.

Выбирай спанчу по плечу.

Каковъ дѣдъ, таковъ и обѣдъ.

— Собака, чего лаешь? „Волковъ пугаю.“

— Собака, чего хвостъ поджала? „Волковъ боюсь“.

Не смѣйся, квасъ, не лучше насъ.

Самъ въ грязи лежитъ, а кричитъ: не брызгай.

Не смѣйся, вода, сама молода.

Чужаго на свой аршинъ не мѣрай (не пересуждай).

Тычь, потычь, перетычь, Ильичъ; притыкай, Омячъ; а ты, Кузьма, опосля потычь.

Авось да небось, хоть вовсе брось.
За твоимъ языкомъ не посиѣшь босикомъ.
Много говорено, да мало сказано.
Складно бастъ, да дѣла не знаетъ.
Языкъ напередъ ума рыщетъ (говорить
необдуманно).
Не величка мышка, да зубокъ остеръ.
Все лучше того, какъ нѣтъ ничего.
Не только людей, что Тома да Тадей.

В А Г А Д К И.

Утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень
на двухъ, подь вечеръ на трехъ?

Человкъ (ребенкомъ на четверенькахъ, а
въ старости съ клюкой).

Царь видитъ рѣдко, Богъ никогда, а мы
завсегда? *Себѣ ровню.*

Кругленькимъ, маленькимъ до неба доки-
нешь?

Глазъ (глазами небо видишь).

Межъ двухъ свѣтилъ, я посередкѣ одинъ?

Носъ.

Подъ небомъ дощечка, не сохнетъ, не можетъ и не куржавѣтъ?

Мокренъкій теленочекъ подъ лавкой лежитъ?

За бѣлыми березами тарара живетъ?

Языкъ.

Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ?

Бисеръ, мой бисеръ, борочкомъ спизапъ,
алымъ бархатомъ опушенъ, подъ завѣтомъ
заложень?

Зубы.

Деревяшка везетъ, костяшка сѣчетъ, мокрый мартынъ подкладываетъ?

Деревянная ложка, зубы, языкъ.

У двухъ матерей по пяти сыновей, всѣ въ одно имя?

Пальцы.

Что выше лѣсу? Что краше свѣту?

Красно солнышко.

Чего въ коробейку не спрятать и не запечатеть?
Свѣта.

Чего въ избѣ не видно?
Тепла.

Стоитъ садъ, въ саду двѣнадцать грядъ, на грядкахъ по четыре бороздки, на каждой бороздкѣ по семи кочней?

Стоитъ дубъ, на дубу двѣнадцать вѣтвей, на каждой вѣткѣ по четыре отростка, на каждомъ отросткѣ по семи прутьевъ?

Лежитъ колода поперекъ дороги, въ колодѣ двѣнадцать гнѣздъ, въ гнѣздѣ по четыре яичка, въ яичкѣ по семи зародышковъ, что выдетъ?

Годъ (въ году двѣнадцать мѣсяцевъ, въ мѣсяцѣ четыре недѣли, въ недѣлѣ семь дней).

Триста шестьдесятъ пять голубокъ, пятьдесятъ два сокола, двѣнадцать орловъ, на золотой сосенкѣ сидятъ?

Дни, недѣли, мѣсяцы въ году.

Сестра къ брату въ гости идетъ, а онъ отъ сестры прячется?

Ночь и день.

Безъ рукъ. безъ ногъ воюеть?

Безъ рукъ. безъ ногъ, а ворота отворяетъ?

Отцова сундука не подынешь, матушкинаго столечника *) не скатаешь, братинна коня не обуздаешь.

Земля, степь и вѣтеръ.

Тонкій высокій упалъ въ осоку. **) самъ не вышелъ, а дѣтей вывелъ?

Дождь и потоки.

*) Столечникомъ въ народѣ зовутъ скагерть.

**) Осока высокая луговая трава.

Шель догвоязь, въ сыру землю увязь?
 Тонокъ, дологъ, голенасть, а въ травѣ не
 видать?

На землю надасть, отъ земли не отлетаетъ?

Дождь.

Мостится мость безъ досокъ, безъ топора,
 безъ клина?

Ледъ (когда рѣка замерзаетъ).

Стоитъ Ермакъ, на немъ колнакъ: ни шить,
 ни брань, ни поярковий?

Силь на шить.

Въ камнѣ спалъ, по желѣзу всталъ, по де-
 реву пошелъ какъ соколъ полетѣлъ?

Огонь въ кремль, огниво и трутъ.

Ударю я булатомъ по бѣлымъ каменнымъ
 палатамъ, выйдетъ княгиня и сядетъ на пу-
 ховую постель?

Огниво, камень, искра и трутъ.

Два братца въ воду глядятся, въ вѣкъ не сойдутся?
Рычые берега.

По какой дорогѣ полгода ѣздить, да полгода ходить?

По рыкъ (лѣтомъ ходять суда, а зимой ѣздить на лошадяхъ).

Въ водѣ родится, а воды боится? *Соль.*

СКОРОГОВОРКИ ИЛИ ЧИСТОГОВОРКИ.

Ихъ заучиваютъ, чтобы поторѣть въ чистомъ и скоромъ говорѣ, и стараются выговорить безъ передышки.

Аль, лаль, бѣль алмазь, зеленъ изумрудъ.

На семеро сани по семеро въ сани. Полчетверти четверика гороху безъ червоточенки.

У насъ на дворѣ подворьѣ погода размокропогодилась.

Быкъ туногубъ, туногубенькой бычекъ, у быка бѣла губа туна.

Шли сорокъ мышей, несли сорокъ грошей, двѣ мыши поплоче несли по два гроша.

Свинья тупорыла весь дворъ перерыла, вырыла полрыла, до норы не дорыла.

Летять три пичужки через три пусты
избушки.

Ползеть глиста по шесточку, глотни, гли-
ста, песочку.

Не диковинка полубрату сказать про Поли-
карна.

Петръ Петровъ по прозванью Перовъ пой-
малъ птицу писалицу; понесъ по рынку, про-
силъ полтинку, подали пятакъ. онъ и продалъ
такъ.

Шли три пана, три Прокопья пана, три
Прокопьевича, говорили про пана, про Про-
копья пана, про Прокопьевича.

к о н е ц ъ.

